

Винный подвал напоминал дом Хоббита из одноименной книги. В приглушенном свете тянулись длинные коридоры, полочки, стеллажи. Только здесь не было такого количества трав и маринадов, как у Бильбо Бэггинса.

Практически все свободное пространство занимали бутылки с пафосными названиями, рассчитанные на дилетанта, который выбирает вино исключительно по красоте этикетки.

Маркетологи не отличались большой фантазией: *«Крымский вечер»*, *«Южная ночь»*, *«Полночь в Палермо»*...

В рейтинге странных названий лидировало вино: *«Молоко любимой женщины»*. По мнению Бахуса — вершина идиотизма.

Но больше всего досталось ничем не повинным монахам. Такое ощущение, что люди устроили соревнование, кто больше всего придумает названий со словом *монах*. И тут началось: *«Душа монаха»*, *«Сердце монаха»*, *«Песня монаха»*, *«Искушение монаха»*.

Для полной картины не хватало только нескольких «сухих белых» с названиями: *«Печень монаха»*, *«Поджелудочная монаха»*, *«Вторая положительная монаха»*.

Все эти мысли изданы в тысячный раз кружили в голове Бахуса (Сергея Бакусова), когда он оглядывал прилавок своего винного погреба, где был хозяином и продавцом в одном лице.

Сегодня он пришел за час до открытия, включил компьютер, заварил травяной чай, мысленно избил работников налоговой службы, пожарной охраны и поджег здание СЭС.

В одной из витрин Бахус увидел свое отражение. Тут же выпрямил спину. Вспомнил, как бабушка говорила: «Таким богатырям нельзя сутулиться, иначе становитесь похожими на перекошенное здание в зоне военных действий».

Бахус действительно выглядел угрожающе. Он напоминал мощное дерево. Посади это дерево где-нибудь в Ливии, и оно не пропадет. Корнищупальца пройдут сквозь пески, глину и всевозможные подземные слои, найдут воду, и дерево будет жить, несмотря на палящий зной и отсутствие дождей.

Женщин тянуло к нему со страшной силой. Независимо от возраста, семейного положения, социального статуса, они стремились укрыться в ветвях этого мощного дерева. Сходили с ума от грубой мужской энергии, сквозящей в каждом движении великана. Он мог с легкостью указательным пальцем открыть бутылку с вином. Просто взять и продавить пробку.

Не выносил пошлости. Окруженный бесчисленными «снарядами» бутылок, он старался не смотреть на названия. Мало кто знал, что только 30 процентов вина в этом подвале было настоящим, остальное — сомнительного происхождения. Поэтому чувствовал себя генералом армии, в которой оружие бойцов заряжено холостыми патронами, и только малые силы могут выступить против пошлости покупателей.

Когда очередной клиент прислоняет к небу вино, делает вид, что почувствовал что-то, издает одобрительное чмоканье — тогда Бахусу особенно тяжело. Именно в такие моменты хочется крикнуть своему бутылочному войску:

«Вперед, мои стеклянные воины! Летите на войну с пошлостью, я благословляю. Многие из вас погибнут, обрушившись на головы псевдоэкспертов, но это будет не напрасная смерть. Я больше не держу вас. Смотрите — окна открыты, летите, ищите жертву. Только никого не убивайте.

Те, кто выживут — возвращайтесь домой и расскажите молодым винам о славном сражении, где улицы были окрашены в красный цвет, а «сухое красное» в сумерках притворялось кровью.

Бутылочный бунт Бахуса мгновенно утих при звуке шагов. Деревянная лестница несколько раз скрипнула, предвещая встречу с очередным покупателем.

«Только бы не турист», — мысленно обратился Бахус к красному полусладкому с названием «Святая Эмилия». Это была единственная бутылка без ценника. Когда-то в прошлой жизни ее подарили Бахусу в день свадьбы. Теперь она была собеседником и лучшим другом.

Опыт работы в подвале научил его по скрипу лестницы определять количество людей.

Если спускался один, то скрип имел ритм и размер, как стихотворение. Так же Бахус определял пол клиента. Мужчины спускались небрежно, как бы продавливая ступени. Женщины ступали тихо. Даже последние алкоголички до конца своих дней не утрачивали способность извлекать музыку из деревянных клавиш лестницы Бахуса.

Ступени анонсировали как минимум двоих. Когда они вошли, Бахус удивился необычному сочетанию: Эва, актриса камерного театра «Dreams», и Миша Чмых — больше известный, как Миша Фарисей.

По мнению Бахуса, эти двое не могли находиться рядом. Нарушались какие-то естественные законы природы. Не может ночь прийти одновременно с рассветом или невесомость соседствовать с силой притяжения. Прохладная река Эва не может протекать по безжизненному горному хребту с названием Миша Чмых.

Аккуратно зализанные волосы Миши переливались мещанским блеском. Его безупречный костюм вступал в конфликт с мятой одеждой Эвы, представляющей из себя странное сочетание бесформенной юбки и мужской рубахи.

«Почему я до сих пор не дал ему по морде?» — мысленно обратился Бахус все к тому же красному полусладкому.

«Потому что он родственник мэра», — ответило вино и дружески подмигнуло этикеткой, мол, «терпи, брат...»

«Это несправедливо, — возразил Бахус, — родственник мэра так же имеет право быть избитым, как и все порядочные люди».

Святая Эмилия ничего не ответила.

Эва прошла по винному ряду. Выдвинула из-под прилавка пустой деревянный ящик, присела на него по-мальчишески небрежно. Длинная юбка волнами стекла на пол, так что создавалось ощущение, будто Эва парит в воздухе.

Бахус не мог понять, как ей удается быть настолько органичной. Любое движение Эвы казалось ему правильным. Она даже бургер ела красиво.

«Это невозможно — злился Бахус, — все люди едят бургеры отвратительно, поддерживая пальцами котлету, которая так и норовит сбежать за пределы булки. Пачкают губы в соус».

«Откуда столько органики, Эмилия? Может, она кошка и дурачит нас, притворяясь человеком?».

«Может, ты влюбленный баран?» — ответила Эмилия, напроць отбив у Бахуса желание общаться».

Эва пила только молодое вино. Самое дешевое. В этом смысле у нее не было конкурентов. Бахус заказывал семь бутылок в месяц, всегда хватало впритык.

Совершенно забыв о присутствии Миши Фарисея, он уставился на уже привычную картину. Алгоритм действий был хорошо известен Бахусу: сейчас закажет бокал молодого, достанет блокнот. Будет мелкими глотками пить вино и делать какие-то записи, быстрым движением соберет волосы в тугий пучок на затылке.

«Как же красиво», — злился Бахус.

Он боялся, что однажды Эва перестанет приходить и тогда начнется ломка.

«Что за дурацкая привычка, сидеть на ящике? Есть же ступля...»

Святая Эмилия молчала.

Старый ящик давно уже следовало выбросить, но Бахус не мог.

«Вот увидит, что ящика нет и больше не придет, найдет себе другой подвал».

Миша Фарисей пил все самое дорогое. Логика была простая: дорого — значит хорошо.

— Сергей, сегодня я настроен на Италию. Мне, пожалуйста, на розлив один бокал.

Это была такая игра. Миша Фарисей называет страну, Бахус ищет самые дорогие экземпляры.

— Вчера пришла новая партия из Италии, только не сухое...

— Нет-нет-нет, — затараторил Миша, — ты же знаешь правила.

«Зачем тебе алкоголь, ты ведь ничтожество? Не пей, не умножай свою никчемность», — подумал Бахус, но Фарисею ответил культурно: — Не будь заикленным идиотом. Попробуй чего-нибудь нового.

— Я прощаю тебя, — улыбнулся Миша, обнажая полусгнивший частокор зубок. — Это не ты, это грех говорит внутри тебя.

Бахус не знал, почему желание побить Мишу усиливалось каждый раз, когда тот начинал проповедовать. Вроде правильные вещи говорит, но чем правильнее, тем сильнее хочется дать по морде. Бахус согласился бы с проповедями Миши, если бы тот читал их с листа или встретил в какой-нибудь книге. Но в данном случае ретранслятором всего этого был ненавистный фарисей, и любая истина, произнесенная его речевым аппаратом, сразу девальвировалась.

Да, колыбельные песни народов мира — это маленькое чудо, но попробуй усни, если эту колыбельную поет Гитлер.

— С тебя 2500, — Бахус со злостью вогнал штопор в бутылку.

— Картой можно?

— Можно.

Раздался приглушенный звук выстрела. Это в кармане Миши Фарисея вздрогнул телефон, оповещая о покупке. На мгновение лицо Фарисея исказила гримаса боли. Он испытывал физические муки, когда тратил деньги. Конечно, можно было пить обычное вино и носить простую одежду, но тогда пришлось бы ограничить единственно любимого человека — себя, а это было немислимо.

— Эва, спорим, я знаю, о чем ты пишешь в своем блокноте? — спросил Фарисей.

— Ничего особенного, роль разбираю, — она даже не подняла голову. Маленький карандаш летал по страницам блокнота, как колибри над цветком.

— Скромничаешь. Молодец. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю, — пропел Миша.

Бахус нервно переминался с ноги на ногу. Похоже, Миша Фарисей решил в очередной раз произнести проповедь. Уйти нельзя, не оставит же он рабочее место, но и слушать — невыносимо.

Он бросил беспомощный взгляд на «Святую Эмилию».

«Не молчи хотя бы ты, моя стеклянная муза, скажи. Заговори человеческим голосом, и пусть этот горе-проповедник заткнется. Как же я хочу его ударить... Мне это жизненно необходимо. Представляешь, какое будет зрелище, моя дорогая Эмилия.

«Представляю. Тебя арестуют, потом ты заплатишь штраф. Миша будет плакать и корчиться от боли. Потом он соберет всех жителей нашего города на центральной площади, чтобы прилюдно простить тебя», — сказала Эмилия.

«Откуда в тебе столько сарказма. Почему ты не можешь просто быть моим другом. Сказать — давай. не сдерживай себя, врежь этому толстяку по печени и мы вместе посмотрим, как из него вылетят цитаты святых отцов».

«Потому что меня не существует».

«Знаешь что, это не аргумент».

— Бедняга, сложно, наверно, воевать в одиночку, — не унимался Миша, — против системы, государства, общества, где человек — это всего лишь одухотворенный кусок мяса.

— Миша, не лезь к ней. Видишь, человек занят, — Бахус старался не выдавать гнева.

Миша отпил добрую часть бокала, но глотать не стал. Он принялся гонять вино в полуразрушенном лабиринте зубов. Эти звуки окончательно добили Бахуса.

— Молчу, — Миша заговорщицки наклонился к Бахусу, — мы ведь знаем правду, мы все знаем.

Его огромное лицо распалось на отдельные фрагменты.

«Спокойно, — откуда-то из глубин подсознания шепнула Святая Эмилия, — опиши...»

«Что описать?» — обратился Бахус к внутреннему голосу, продолжая разглядывать поры Миши Фарисея.

«Если бы ты был писателем, как бы описал это лицо, этот крупный план, который сейчас перед тобой?»

«Ладно. Слушай. Его лицо представляло собой архипелаг жировых складок, где столицей возвышался асимметричный нос, грустными областями свисали щеки. Отдельной провинцией лоснилась гряда подборок».

«Полегчало?»

«Нет».

— Что нет? — спросил Фарисей, пытаясь понять, куда на мгновение улетело сознание Бахуса.

— Да так, ничего особенного.

— Эва, ваш режиссер когда-то предлагал мне роль в пьесе «Господа Головлевы».

— Иудушки? — спросила она, закрывая блокнот.

— Как ты угадала?

— Интуиция.

— Я отказался. Слишком мрачная пьеса.

Эва спрятала карандаш и блокнот в видавшую виды сумку. Бахус, не спрашивая, налил ей полный бокал «молодого».

— Спасибо. Сегодня я без денег. Запиши, пожалуйста.

— Хорошо.

Она улыбнулась, и Бахус почувствовал приятное тепло в области солнечного сплетения.

— Зарплата через неделю.

— Не думай об этом. Слушай, если тебе что-нибудь нужно, говори. Ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю. Ничего не нужно. Приходи на спектакль в субботу, у нас «Чайка». Постановка сумасшедшая, тебе понравится.

— Я видел афишу. Кого играешь?

— Машу.

«Будь мужиком, совсем распался на ионы и атомы. Разговаривай нормально».

«Отстань, Эмилия».

— Приду.

«Куда ты собрался..?»

«Сейчас продам тебя Мише...»

«Молчу».

— Возьми, — она достала из сумки глянцевый прямоугольник, — пригласительная на две персоны. Можешь наследника престола взять с собой. На обратной стороне мой номер, если что — звони. Мне пора, репетиция скоро...

Бахус хотел что-то сказать, между: *«пока, спасибо, что пришла, и хорошей репетиции тебе»*. Но вместо этого промямлил какую-то тарабарщину и проводил Эву до лестницы.

— Мне тоже пора, — подскочил Фарисей, — нам по пути...

Корявым реверансом пропустил Эву вперед, ехидно улыбаясь Бахусу. *«Мерзость запустения»*, — шепнула Эмилия, *чтобы хоть как-то разбавить тишину подвала.*

Бахус занес в телефон новый номер. Несколько раз проверил, правильно ли написал и бережно спрятал трубку в карман. С этой минуты телефон стал тяжелее. Теперь в нем живет голос Эвы, нужно только нажать на кнопку.

Какое-то время звенящая тишина заполнила собой подвал. Остановилось время. Сердце Бахуса перешло на беззвучный режим, он даже не был уверен, бьется ли оно.

«Давай».

«Чего тебе?»

«Описывай, станет легче».

«Ладно, Эмилия, слушай: никто не знал, что на самом деле она эльфийская принцесса, просто притворяется человеком. В ее волосах живет средиземноморский ветер. Грустные глаза, как горные озера, отражают в себе бесстрастное небо. Она пахнет иерусалимским ладаном.»

Она физическое воплощение счастья, которым нельзя обладать, можно только аккуратно смотреть издали».

«Меня сейчас стошнит», — сказала Эмилия и цвет ее этикетки заметно потускнел.

2

Белла Аронова имела монополию на прерывание беременности. В городе больше не было специалиста по микроабортам. Три дня в неделю она принимала в частной клинике «Будущее».

Руководство носило ее на руках. Ни терапевты, ни хирурги, ни магнитно-резонансные томографы не приносили такую прибыль, как умение Беллы прервать беременность на ранней стадии.

Стеклобетонная клиника больше походила на космический корабль, чем на больницу. Расценки на услуги непомерно дорогие. Персонал — прекрасен. Полное ощущение, что кто-то отбирал представителей арийской расы для работы в клинике.

Длинноногие девушки с идеальными волосами, безупречной кожей и отредактированными губами плыли по коридору. Они излучали уверенность в себе и безграничное человеколюбие к тем, кто решил купить здоровье и статус «особенного пациента» в «Будущем».

Небольшой мужской персонал сверкал отполированными зубами. Будто кукольный домик ожил, и теперь все эти Кены и Барби решили сыграть в больницу.

Бахус однажды делал УЗИ печени в «Будущем». Он оценил лоск и понты клиники, восхитился красотой врачей и искренне удивился наличию туалета.

— Зачем? — спросил он проходящую мимо фею в белом халате, указывая на двери с пометкой «WC».

— Простите..? — улыбнулась фея.

— Принцы и принцессы, они же...

— Совершенно верно, — заметила фея, наполнив коридор звонкими колокольчиками смеха. — Это для пациентов.

— Тогда я могу быть спокоен, — ответил Бахус и ушел, не дожидаясь, пока подействуют чары неземной медсестры.

Очередной понедельник обещал хороший урожай пациентов. Проснувшись рано, Белла Аронова соорудила трехэтажную прическу, тщательно зашпаклевала лицо, запрыгнула в безупречное платье и улыбнулась собственному отражению в зеркале. Она старалась не думать о старости, которая с каждым днем подбиралась все ближе, отыскивая брешь в обороне Беллы. Аронова, как опытный солдат, сражалась на всех фронтах. Искусственные ресницы, как стая диких птиц, порхали над мимическими морщинами. Губы — работы неизвестного мастера. Надбровные дуги разглажены от точечных уколов.

Слабым участком считалась шея, кожа на ней немного провисла, но это аннулировалось новой грудью, привезенной из немецкой клиники. Два идеально симметричных шара томились в тесном декольте, стремительно выдаваясь вперед как самое мощное оружие в неравной схватке с годами.

Аронова оставила машину под окном своего кабинета. Новый внедорожник вызывал зависть буквально у всех.

На пороге курили дворник Федорыч и Володя Трушин.

— Зачем бабе такая машина? Это неправильно, — завел свою старую песню Федорыч. — Вот ты на своем «МРТ» в жизни не заработаешь на такую тачку. До конца дней будешь ездить на дебильном велосипеде.

Он не мог объяснить почему, но твердо знал, что бабам не полагается ездить на дорогах авто.

Замечание было по адресу. Велосипед Володьки выглядел странно. Собранный из останков товарищей, погибших от коррозии, он уныло висел на заборе, недалеко от клиники. Володя не пристегивал к велосипеду цепь, зная, что никто не станет угонять такую дрянь.

Володька Трушин работал в клинике рентген-лаборантом. Во время обеденного перерыва спускался к Федорычу. Они сражались в шахматы, попутно принимая «целительные настойки» (так дворник-шахматист называл самогон собственного производства).

Федорыч свято верил, что его настойки обладают рядом оздоровительных качеств, не имеют противопоказаний и дозировки, лечат импотенцию и депрессию.

— Бабы правят миром, старик. Что им мешает ездить на хороших машинах.

— Вот тебе, — дворник собрал фигу из артритных пальцев прямо перед носом Володьки.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала Аронова, пролетая по лестнице.

Незаметно для Федорыча она хлопнула ладонью по заднице Вовы. На секунду они встретились взглядами, как старые приятели, хранящие об-

щую тайну. В этом невербальном общении закипел горячий коктейль воспоминаний, закутанный в сладкий запах Ароновой.

— Слышал?! Какой я тебе мальчик, овца силиконовая, — возмутился Федорыч, когда за спиной у Ароновой закрылась дверь.

— Это она любя.

— Мне до одного места, чем вы там занимаетесь, но защищать ее не надо. Ты мужик или сопля на палочке?

— Мужик, хотя периодически чувствую себя соплей, — честно признался Володька.

— Вот видишь, нет в тебе хребта, жужалица ты рентгеновская. Как ты не поймешь, что когда бабы покупают такие машины, они хотят отнять у нас, у мужиков, право быть главными. Вот из-за таких, как ты, они стали борзеть.

— Знаешь что, это слишком.

— Пошли уже, — он сделал фирменный жест ладонью, который одновременно означал «заткнись, разговор окончен и пора немного выпить».

Володя не спешил догонять Федорыча. Ему сегодня не хотелось ни пить, ни играть в шахматы. Теплый октябрьский вечер внушал ему иллюзию, что зимы не будет. Произойдет какой-нибудь сбой в природе, случится аномалия, и октябрь растянется на несколько месяцев. Синоптики найдут объяснение этому чуду, люди поверят, и никто не будет возражать, строчить жалобы в небесную канцелярию; «Мол, где зима? Санки ржавеют. Дети хотят в снежки играть».

Володя также отметил, что Аронова сегодня особенно хороша. Он ненавидел собственно тело, податливое, беспринципное. Как будто у Ароновой был пульт управления, и стоило ей нажать нужную кнопку, как он сразу же превращался в безликую биомассу, неспособную отказать от нее.

А дома ждала жена. Красивая, умная, сильная. Котлеты отлично жарит. Любит футбол и знает наизусть состав «Барселоны» вместе с запасными игроками. Спрашивается, чего тебе еще надо? Забудь уже эту маленькую раритетную спортивную машину с подушками безопасности.

Володька и не скрывал своей зависимости. Щедро делился с Федорычем подробностями из закрытого кабинета Ароновой. Распалялся от собственных рассказов. Смеялся. Иногда плакал, мучимый совестью, тербил потертые шахматные фигуры,пил настойку.

Федорыч открыто презирал его за это.

Женщина с огромной красной сумкой прошла мимо.

«Пахнет прекрасно, выглядит не очень. Неестественно пышные волосы играют с ветром. Неряшливый вид. Мужские часы на запястье призваны оттенять несуществующую женственность. В глазах — Царство Небесное», — удивился Володька собственным мыслям.

Быстро списал все на лирическое настроение, подхватил сумку у необычной посетительницы и жестом пригласил войти в это царство здоровья и денег.

— Спасибо. Белла Аронова сегодня принимает? — спросила женщина.

— Только что пришла.

«Голос намного моложе тела. Такое чувство, что женщина просто открывает рот, а кто-то невидимый озвучивает ее... Да что сегодня со мной? Может, в меня поэт вселился? Если так, то плохи дела. У поэтов одно на уме — пить, ругаться с издателями, не спать по ночам и умирать раньше срока».

Девушка забрала сумку и двинулась в логово Ароновой.

Вместо того чтобы пойти на рабочее место, Володька ползлелся за ней. Он зачем-то выдерживал дистанцию и старался ступать неслышно, как шпион. На всякий случай достал телефон — если обернется, можно сделать вид, что идешь по своим делам, попутно роаясь в интернете.

Какие-то обрывки воспоминаний подталкивали Володьку в спину. Он не мог вспомнить, где уже слышал этот голос. Смутные ассоциации в самых неожиданных сочетаниях вспыхивали в памяти: «чистота и боль», «игра и смелость», «муки совести и одежда, испачканная кровью».

Остановилась возле кабинета Ароновой.

Пациентки сидели на пуфиках, ожидая своей очереди. Как испуганные птицы, они топили шеи в недрах воротников. Тяжелое молчание растопленным свинцом протекало по коридору, наполняя воздух ядовитыми испарениями.

Никто не общался друг с другом, при этом каждая из них чувствовала, что, придя сюда, обязана хранить общую тайну. Тайну, которая с годами становится тяжелее, и никто не поможет донести ее до последних дней. Однажды они рухнут под тяжестью этой тайны, каждая в свою очередь, но их место займут другие.

Женщина с сумкой обернулась и застала Володьку с поличным. Он не успел ухватиться за телефон или сделать вид, что ищет кого-то. Он стоял как истукан и пялился на нее, пытаясь упорядочить хаос собственных мыслей, где запахи, ощущение опасности и боль кружились в огненном торнадо. Несомненно, назревала беда. Володька чувствовал опасность, как чувствует олень приближение охотника и успевает посмотреть в глаза убийце за секунду до выстрела.

Володька любил театр за парадоксальные оценки актеров, за правильно выставленный свет и грамотно подобранную музыку. Вот и сейчас ему казалось, что он снова очутился в старом уютном зале.

Интуиция не подвела. Все-таки сейчас произойдет что-то особенное.

Девушка раскрыла сумку, до отказа набитую маленькими куколками с одинаковым выражением лица. Поэтический мозг Володьки сразу отметил, что между девушками на пуфиках и куколками есть схожесть — отсутствующий вид.

Пациентки оторвались от телефонов. Вместе с ними и Володька ждал развития событий. В следующую секунду девушка избавилась от объемной прически, спрятала парик в боковой карман сумки. Володька тут же узнал в ней актрису местного театра. Не мог вспомнить имени, зато в памяти вспыхнули отдельные сцены из спектаклей.

Девушка достала из кармана опасную бритву. Дамы на пуфиках вздрогнули.

«Движения актрисы выверены, как будто отрепетированы много раз. Она собирает горстку пупсиков, перевязывает их красной лентой». — Володька уже не боролся с восприятием.

Получается что-то вроде кукольного букета.

Далее, бритвой срезает с них головы, и уже обезглавленный букет без бутонов подает одной из пациенток Ароновой.

Пациентка равнодушно принимает подарок.

На лице пустыня. Глаза — как ясный полдень освещают барханы, но через несколько секунд находят тучи, молнии рассекают роговицу, и соленые реки омывают раскаленные пески. Она как призрак сидит с этим букетом, с ужасом всматриваясь в маленькие тела. Что-то мешают ей вы-

бросит букет из пупсиков. Далекий голос совести прорывается сквозь трезвые рассуждения друзей. Так держат деньги, которыми оплачивается предательство. Так Иуда Искариот держал мешочек с серебряными монетами.

Володя потерял равновесие. Какая-то сила отбросила его назад. Он больно ударился затылком о стену и только через несколько секунд понял, что с ног его сбила хрупкая девочка. Она пролетела по коридору и исчезла как призрак.

— Я знаю, кто ты! Тебя показывали в новостях, — это девушка с кукольным букетом подошла к актрисе. — Уходи!

Она беззвучно плакала, хотела сказать что-то еще, но не решалась. Закончились слова. Странно. Она привыкла, что слова — бесконечны. Закончиться могут деньги, терпение, жизнь, но не слова.

На какое-то мгновение странный спектакль остановился. Только сейчас Володька почувствовал себя лишним. Ему стало стыдно, как в школьные годы, когда через замочную скважину он подглядывал в женскую раздевалку и был пойман на месте преступления.

Еще две клиентки Ароновой прошли мимо Володьки. Только две пациентки остались до конца «спектакля». Девушка с букетом пупсиков и огромная женщина с непробиваемым лицом. Как безмятежная гора, она наблюдала за всем происходящим, ни на секунду не смутившись. Мощные руки скрещены на груди. Грудная клетка вздымается при каждом вдохе. Вряд ли такого человека могло удивить что-то. Если бы сейчас клиника рухнула, она бы спокойно стряхнула с себя штукатурку и невозмутимым танкером проплыла в тихие воды повседневности. Без лишних остановок. Разве что в порту фастфудов, для дозаправки.

Когда девушка с пупсиками повисла на актрисе, она слегка покашляла и продолжила просмотр. Ей было непонятно, почему актриса гладит пациентку по голове и шепчет ей на ухо странный текст на старославянском языке.

По отдельным фразам Володька узнал пятидесятый псалом. Бабушка каждое утро читала его перед иконкой.

В следующую секунду в коридоре появилась Аронова. Володька даже не заметил, как открылась дверь. Такое ощущение, что Аронова вдруг материализовалась из ниоткуда.

— Опять ты, сука! — Она провела пальцем по дисплею телефона, выждала несколько секунд и насколько могла, сдержанно, обратилась к кому-то: — Вам же сказали не пускать эту овцу! Если через пять минут не уберете ее нахрен отсюда, можете искать другую работу.

Аронова с грохотом захлопнула дверь.

Творческое сознание Володьки снова заработало. Сошлись все пазлы, и он увидел картину целиком: *актриса держит на руках девушку с обезглавленными пупсиками. Толстуха сидит и ждет чего-то; либо своей очереди, либо продолжение странного спектакля. Он, Володька, уже не чувствует угрызений совести за то, что заглянул в чужую жизнь. Точнее, не чувствует себя чужим. Ведь они не в клинике. Они на маленьком острове в тихом океане. Через какие-то секунды их накроет цунами. Подводное землетрясение уже изменило морское дно.*

Нарастающий шум постепенно заполняет все пространство, и тяжелые волны обрушиваются на них. Больше нет ни запахов, ни звуков. Последние слова на старославянском исчезают в грохоте волн, и актриса выпускает из объятий девушку с букетом.

Большая вода приносит хищников. Люди в черных костюмах напоминают голодных акул. Они хватают актрису за волосы, уносят в холодное течение океана.

Володька прорывается сквозь плотный поток воды и сам удивляется тому, что собирается сделать. Его тело больше не подчиняется мозгу. Да пошел он, этот мозг, куда подальше. Он будет слушать сердце, которое приказывает драться. Один из охранников получает сокрушительный удар в висок и постепенно оседает на дно. Двое других на какое-то время впадают в ступор. Этого хватило, чтобы направить голову одного из хищников в дверной косяк. Последний хищник, который держал актрису за волосы, оказался самым проворным. Он увернулся от прямолинейной атаки. Коротким ударом в челюсть обезвредил соперника. Володька пошел на дно, как корабль, простреленный под ватерлинию. Потом он получил еще несколько ударов в голову ботинком с высокой шнуровкой.

В затопленном пространстве мелькнула фигура толстухи. Она так же безмятежно сидела на своем месте, как будто ничего не произошло. Девушка с кукольным букетом исчезла. Дневной свет постепенно уступал место нарастающей ночи. В черном водовороте кружились двери и стеклопакеты. Исползованные бахилы, как стая медуз, метались в пространстве.

Перед тем как потерять сознание, Володька сквозь водную тьму разглядел размытый силуэт Ароновой. Она подплыла и опустилась рядом.

3

— Зачем ты притащил кота? — Бахус безразлично гладил черного котенка, худого как велосипед.

— Пап, у нас не продуктовый магазин. Можно завести кота. Я узнавал.

— Думаешь, запах мочи повысит продажи? Это мальчик. Подрастет немного и начнет метить каждый угол.

— Мы его кастрируем.

— Мы — это я и ты? — поинтересовался Бахус.

— Я бы домой забрал, но там Вера со своей аллергией.

Шестилетняя Вера имела большой авторитет. Бахус практически не смел ей перечить. Он произносил слово «нет», только если дело касалось безопасности или других принципиальных моментов. За невинное желание погладить кота дочке приходилось расплачиваться аллергическим насморком, постепенно переходящим в астматический приступ.

Они сидели за журнальным столиком. Бахус пытался придумать вескую причину, чтобы не брать кота. Как назло воображение в это утро работало так себе. Красавица жена много лет назад подарила ему сына. Через два года родилась дочь. А еще через год она сбежала с каким-то армянином. Бахус в одиночку поднимал детей. Строил бизнес и пытался не сойти с ума. Он практически не спал. Ел один раз в день.

Отсутствие матери он компенсировал тем, что баловал Даню и Веру, насколько мог. Сладости они ели, пока не слипнется попа. Спать ложились далеко за полночь. Один раз в неделю имели право не ходить в школу.

Теперь Даня притащил кота и хочет, чтобы он жил в винном подва-

ле. Аргументы у сына железные: домой кота нести нельзя, так как у сестры аллергия на кошачью шерсть.

Всю жизнь Даня терпел эту страшную несправедливость и, наконец, нашел решение. Бахус боролся до последнего:

— Ты собираешься отрезать бубенчики этому зверю только для того, чтобы сделать его своей игрушкой? Я правильно понимаю?

— Пап, хватит!

Бахус положил кота на колени. Тот подхалимски упал на спину и притворился мертвым.

— Обмелчал нынче ваш брат, — обратился Бахус к маленькому шерстяному комку. — Ленивые стали. Забыли, что вы охотники. Городские мажоры, что вы знаете о жизни настоящих котов. Котов-легенд. Котов-гангстеров. Эх, Даня, ты маленький был, не помнишь котов бабушки Маши.

— Да помню я. Они все страшные были. Как будто бабушка только уродливых котов признавала.

— Перестань, Даниссимо. Это были дикие рыси, поедающие все, что падает со стола. Помню, однажды один из них грыз сырую картошку. Крысы в бабушкином сарае покончили с собой, когда в доме появились эти коты. Их уважала вся деревня. Они спокойно могли затащить уставшего путника в овраг и сожрать его до наступления рассвета.

— Ладно. Я все понял. — Даня схватил разомлевшего кота и уже собирался уйти, но Бахус не мог допустить этого.

— Пойди на склад, найди подходящую коробку.

— Спасибо! — Он бросился на шею отцу.

— Постой. Это твой кот. Твоя ответственность. Будешь сам выносить его какашки и покупать наполнители и корм. А еще таскать к ветврачу на прививки. Купать и ловить блох. Согласен?

— Да.

— Вот и хорошо. Как назовем?

— Скрипач.

— Неси коробку, пока твой музыкант не сделал кучу.

— Я быстро, пап!

Даня молнией пронесся по коридору, врехался в стеллаж с таманским вином. Бутылки проснулись от внезапного толчка, заговорили на стеклянном языке. Легкий перезвон прокатился по залу и замер на пыльных полках.

«Женщина — это самый опасный вид наркотика», — думал Бахус, пока молодой оболтус искал подходящую коробку. Когда его бросила жена, Бахус зарекся привыкать к людям. Зачем нужна лишняя зависимость? И без того есть куча ограничений: желудок диктует свои правила, мужская плоть время от времени рвется в бой, а еще легкая алкогольная зависимость (которую Бахус называл «профилактикой сердечно-сосудистых заболеваний»).

Не хватало еще влюбиться на старости лет.

Эва не появилась уже две недели. За это время Бахус отремонтировал ящик, на котором она сидела. Укрепил доски и принес из дома новое покрывало.

Он завидовал этому ящику. Его доскам позволено то, о чем Бахус и мечтать не может. Подумать только. Она садится на эту бездушную деревяшку. Отдает ей свой вес. Согревает собственным теплом. Вот бы стать таким ящиком, хотя бы на несколько секунд. Прогнуться под ее весом, напитаться запахом духов.

«В ней всего-то килограмм пятьдесят», — вмешалась святая Эмилия.

«И что? — огрызнулся Бахус. — Тебя не спрашивали. Это моя мечта и мои правила».

«Да я не возражаю. Только про женщин так не говорят».

«Как?»

«Прогнуться под ее весом».

«Отстань. Это от имени ящика. И вообще, закрой пробку».

«Я видела, как ты нюхал покрывало ящика, когда Эва ушла в последний раз».

«И что?»

«Это отвратительно».

«Спасибо. Я учту».

Несколько раз приходил Миша Фарисей. Пил. Проповедовал. Цитировал Святых отцов и жаловался на цены. Бахус безразлично кивал в ответ, мысленно путешествуя в тех краях, где сейчас могла быть Эва.

Даня притащил сразу несколько коробок. Причем в одной из них поместился бы мужчина среднего роста. На вопросительный взгляд отца он выпалил:

— Смотри, пап, здесь Скрипач будет спать, — он указал на самую большую коробку, — здесь сделаем туалет, — в ход пошла коробка средних размеров, — а это будет кухня...

— Согласен, — сдался Бахус. Ему не хотелось гасить радость сына. Парень был так счастлив, что не мог даже секунду устоять на месте. Разговаривая с отцом, Даня бессмысленно перемещался в пространстве. За чем-то трогал стеллажи. То и дело чесал затылок.

— Чай с мятой будешь, кровопийца?

— Буду, пап.

Даня взобрался на высокий стул. Счастье слегка оглушило его. Столько лет они пытались завести кота, думали, что аллергия Веры пройдет наконец. Но все попытки проваливались с треском. Однажды Бахус купил за бешеные деньги лысого кота сфинкса. Он думал, что если нет шерсти — нет аллергии. Но стоило Вере взять его на руки, как слезы и сопли потекли ручьем. Оказалось, что аллерген — кошачья слюна.

— Как теперь Вере приходиться сюда?

Даня ждал этого вопроса. Это самый весомый аргумент, и раз отец не стал использовать его в начале разговора, значит, есть надежда...

— Я все продумал, пап. У нее аллергия начинается не сразу. Минут через двадцать после общения. Вера бывает здесь максимум один раз в неделю. Ничего страшного не случится, если она не будет приходиться в место, где взрослые дядьки пьют спиртное.

— Когда ты успел вырасти, Даниссимо?

Вопрос остался без ответа. Даня понял, что окончательно победил. Последнее препятствие устранено. Скрипач будет жить у них. Пусть не дома, но ведь его можно навещать каждый день. Играть с ним после школы.

«Слабак», — шепнула святая Эмилия.

«Тебя не спрашивали».

«Может, переименуешь подвал? У меня есть несколько вариантов: «Кошкин дом», «Котобаза номер 8», «Котомараули».

«Я сейчас черным маркером напишу на твоей этикетке слово из трех букв».

Угроза подействовала моментально. Эмилия даже отвернулась немного, и цвет ее стекла потускнел.

На безупречно отполированной стойке бара проснулся телефон Бахуса. От вибрации он скользил немного, рискуя упасть. Бахус взял трубку. Незнакомый голос в трубке представился режиссером театра Dreams.

— Сергей Бакусов?

— Он самый.

— Простите за беспокойство. Дело в том, что мы уже две недели не можем найти Эвелину. Говорят, она бывает у вас. Когда вы ее видели в последний раз?

Бахус почувствовал, как страх проникает в него. Окутывает черным облаком и просачивается сквозь поры. Страх, который всегда рождается в районе солнечного сплетения. Маленький пульсирующий комок. Он разрастается по всей грудной клетке. Уменьшает объем легких. Колочим кустарником подбирается к горлу.

Его ни с чем не спутаешь. Когда Дане было пять лет, он упал с качелей. Сильно ударился головой. Потерял сознание. Бахус тогда схватил его на руки, где-то раздобыл машину и отвез в отделение скорой помощи. Именно такой страх он испытывал, когда молился ночью. Просил у Бога, чтобы падение осталось без последствий.

— Она давно не приходила, — выдавил он.

Рука Дани по-прежнему гладила кота, но теперь уже машинально. Так глядят нелюбимых детей. Чистая физиология. Колебательные движения и никакой любви. Он заметил, как побледнел отец. Как его губы сжались в тонкую полоску.

— Конечно. Если узнаю что-то, позвоню.

Бахус уставился в погасший дисплей телефона, как будто перед ним была сложная шахматная партия. Даня даже не решался спросить, что происходит. Каким-то внутренним чутьем он понял, что отец все равно не скажет правду. Что-то очень личное заставило его побледнеть. Что-то такое, о чем даже сыну не говорят.

— Ладно, я пойду. Нужно успеть домашку сделать, вечером футбол.

— Хорошо.

Бахус обнял сына и поцеловал в макушку. Даня все-таки справился с любопытством. Внутренний голос никогда не подводил его. Как тогда, когда умерла бабушка, отец выпал из этого мира. Он ходил по квартире, кому-то звонил, был рядом. Но только телом. Он раздражался на всякую мелочь, хамил друзьям, круглосуточно слушал классическую музыку.

— Пока, Скрипач, — Даня потрепал уснувшего кота, подвинул коробку ближе к тому месту, где обычно сидит Эва, и выбежал в свежий октябрьский полдень.

«После такого хамства я собиралась обидеться на тебя, но не буду», — Святая Эмилия развернулась вполоборота.

Бахус сделал вид, что не услышал голос старой подруги.

«Думай, винодель, думай».

«Что думать, — после недолгой паузы ответил он, — я не сыщик».

«Тогда дам тебе несколько вариантов: две недели назад она опять отличилась. Весь город знает. Скандал удалось быстренько замять, но люди знают все подробности. Алексей Федорыч, разнорабочий этой клиники, как только выпьет, сразу начинает рассказывать эту историю».

«Я слышал несколько вариантов. Каждый раз этот чудак придумывает новые подробности».

«Да. Но главные события остаются неизменными: нокаутированный сотрудник клиники, который зачем-то полез защищать Эву».

«Разрушенная психика молодой девочки. Родители хотят подать в суд на Эву. Они не узнают своего ребенка. Постоянно молчит. В комнате своей оборвала обои. Выкрасила стены в белый цвет. Избавилась от мебели. Каждый день меняет воду в вазе, где вместо цветов стоят куклы с оторванными головами».

«Я не верю всему, что говорят. И потом, в этих рассказах не упоминается Эва. Как будто она просто исчезла».

«А что ты хотел, чтобы они рассказали, как спустили ее с лестницы?»

«Прекрати, ладно!»

«Давай думать. Все знают, что Эва никогда не жалуется. Она сама установила правила игры. Побой — это цена работы, которую она делает. Может, охранники в этот раз перестарались? Хотели проучить ее, чтобы в будущем не было подобных вылазок».

«Я уже думал об этом. Ни в одной больнице города ее нет. Телефон выключен. У нее даже родственников нет. Да что она за человек такой!» — закричал Бахус, чувствуя собственное бессилие. Скрипач от страха подпрыгнул в коробке.

«Спокойно, мой хороший, мы придумаем вместе, что делать. Кажется, у меня есть зацепка», — шепнула святая Эмилия».

Бахус повернулся к ней лицом.

«Поговори с парнем, который защищал ее. Федорыч как-то упомянул, что, мол, безмозглый Володька помогает этой дурной бабе, несмотря на то, что потерял работу из-за нее. Говорят, его уволили, а если это так, ему нечего скрывать».

«Спасибо».

«Не за что. Спрячь маркер».

4

Володька очнулся через несколько секунд после тяжелого нокаута. Он лежал на полу. Сознание вернулось к нему прежде, чем он успел открыть глаза. Аронова гладила его по голове, что-то говорила про отсутствие мозгов. Володя поднялся на ноги. Пространство предательски пошло волной перед глазами, но как только он поймал равновесие, журнальный столик перестал подпрыгивать к потолку, а диван остановился и снова стал твердым.

— Иди сюда, идиот, — Аронова взяла его за руку и усадила рядом с собой.

В голове гудело. Казалось, что вот-вот его вырвет на безупречный паркет в кабинете Ароновой. Как человек с медицинским образованием, он понимал, что у него все симптомы сотрясения мозга. Понимала это и Аронова. Желание добить Володьку подавлялось жалостью. Кислоты гнева гасились щелочным раствором сочувствия, подобно тому, как лимонка гасит соду. Внутри Ароновой бурлил страшный коктейль.

Как верный пес, Володька лег у ног Ароновой и положил голову на

ее колени. Он старался экономить всякое движение и поэтому не шевелился. Аронова расстегнула несколько пуговиц на халате и приподняла его чуть выше колен, чтобы сесть удобнее. Володька закрыл глаза. Он перенесся в далекое детство, в забытую деревню бабушки, куда ездил каждое лето. Тогда он ложился в свежескошенную траву и пьянел от запахов. Точно так же сейчас его пьянило теплое дыхание дорогих духов Ароновой, которое стелилось на поверхности белого халата.

Он не знал, почему животное начало в нем настолько сильно развито, что даже после того, как его вырубил, Володька думал о теле своей начальницы. Он и сам не понял, как начал целовать ее колени.

«Ты только плоть и больше ничего», — стучала в голове строка из стихотворения поэта-шестидесятника.

Аронова всей пятерней вцепилась в волосы Володьки и уже сама управляла его головой, то поднимая ее вверх, то придавливая к ногам.

Он снова забыл обо всем. Когда остановилось время и только сбитое дыхание, подавляя сердечные сокращения, стало единственным ритмом в этом кабинете. Он чувствовал себя охотником, который выследил добычу и теперь не отдаст ее никому. Пусть даже не осталось сил. Он в одиночку передошлет стаю волков, если они сунутся сюда и попытаются отобрать то, что принадлежит ему по праву. Володя закрыл глаза и полетел на встречных потоках. «Ты пахнешь счастьем и детством», — шепнул он на ухо Ароновой.

С каждым разом тяжелые потоки воды все сильнее обрушивались на спину, и тогда он крепче прижимал свою добычу, пока, наконец, очередная волна не снесла его в сторону. Володька не стал открывать глаза. Его безвольное тело закрутило волной, он потерял ориентир, не зная, как выплыть на поверхность.

Когда Володька открыл глаза, то увидел побежденное тело Ароновой. Халат был порван в нескольких местах. Через несколько минут она снова превратится во властного начальника. Привычный лоск вернется, как только она соберет волосы и поправит макияж, но пока Володька наслаждался своей победой.

— Моя добыча — сказал он, обнимая Аронову.

В ответ она прокусила нижнюю губу Володьки.

— Не забывай, кто я. Ты можешь зайти настолько далеко, насколько я тебе позволю.

Капля крови упала на халат Ароновой, и впиталась в ткань, как вода в сухую землю.

«Как же красиво. Все-таки я сумасшедший», — подумал он, наблюдая, как белое пространство халата поглощает кровь.

5

Маленький домик сутулится в ноябрьских сумерках. Жестяная кровля косо свисает на стены, как давно вышедшая из моды кепка на голове у старика. Этот дом словно боится грядущей зимы.

Появление Эвы здесь оправдано сломанными ребрами и вывихом голени.

Дом этот неразрывно связан с болью. Место, где срастаются шрамы и появляются силы для дальнейшей войны. В то же время здесь можно стать частью пейзажа, исчезнуть для всего остального мира.

Несколько дней проплыли перед глазами сплошным черно-белым

фильмом. Выключенный телефон лежал на полке рядом с фотографией молодой бабушки и фарфоровой балериной. Эва давно заметила, что любая техника в этих стенах смотрится как чудовище из фильмов о будущем, где искусственный интеллект пытается поработить человечество.

Эластичные бинты, обезболивающие мази, хорошие книги и крепкий травяной чай — сейчас это все, что необходимо Эве для счастья.

Еще здесь можно молчать. Долго, пока звенящая пустота не поселится в ушах.

Театр, где работает Эва, был самым шумным местом на планете. Возвращаясь с работы, ей хотелось, чтобы мир на какое-то время онемел. После того как несколько часов играешь архаичный текст Островского, можно изъясняться только коротко и по делу. Еще лучше перейти на невербальное общение. Ведь с помощью нескольких пальцев можно не только послать человека куда подальше, но и сделать комплимент.

Ветер принес проливной дождь. Какофония жестяной кровли разбавила тишину дома. Эва смотрела за тем, как маленькие капли стекают по окну, заполняя щели прогнивших рам. На подоконнике образовалась лужа.

Оглушительный стук в дверь. Эва медленно сползла с дивана. Тело не слушалось. Сложно было дышать полной грудью. При каждом вздохе сломанное ребро давало о себе знать. Если чихнуть или закашлять, так и вовсе можно потерять сознание. Стук повторился. Эва открыла дверь. Перед ней стоял насквозь промокший Бахус. Дождь превратил его одежду в мешковатую тканевую массу.

Бахус выглядел так, будто только что сразился в одиночку с огромным лесным троллем. Причем тролль победил, но убивать Бахуса не стал.

Какое-то время промокший винодел и Эва смотрели друг на друга, как будто они существа из двух параллельных миров. Как будто их встреча была невозможна, но по каким-то странным причинам все-таки состоялась.

«Понятие “домашний очаг” придумали такие же добрые феи, как ты», — подумал Бахус, но внутренний голос святой Эмилии привел его в чувство:

«Поздоровайся, идиот. Затем спроси, можно ли войти».

Бахус слегка зажмурился, подавив в себе желание выругаться в адрес святой Эмилии:

«И так тошно. Ты еще жужжишь на ухо».

— Входи, — тихо сказала Эва.

Когда Эва вышла из тени, Бахус разглядел пластырь телесного цвета на брови, несколько ссадин на щеке и шее.

— Я знаю, кто это сделал. Ему тоже больно, поверь.

— Ты о чем?

Эва заметила, что правая рука Бахуса стянута эластичным бинтом.

— Снимай мокрую одежду, я принесу что-нибудь.

Пока Эва искала вещи, Бахус развесил одежду на спинке кровати и теперь, как беспризорник, стоял в трусах посреди комнаты. Эва принесла вещи из гардероба покойной бабушки. Бахус натянул на себя старый свитер. Шерстяная ткань впилась в тело, как борцовская майка. Бахус

был втрое тяжелее и выше покойной старушки. Затем он натянул бабушкины теплые лосины. Эва взорвалась звонким смехом, вызвав очередную волну болевых ощущений в сломанных ребрах.

Бахус увидел свое отражение в старом трюмо. Натянул лосины выше.

— Пожалуйста, перестань, — сказала Эва отворачиваясь, — больно смеяться.

— Ты сама принесла это, — он провел рукой вдоль тела, — от дедушки ничего не было?

— Было, но тогда не было бы так весело.

— Ты злой человек.

— Ходи так на работу, это мощный маркетинговый ход.

Бахус присел на кровать. Старая сетка армейской койки прогнулась под ним как гамак.

— Есть чего-нибудь выпить?

— Конечно. — Она открыла холодильник, достала пыльную бутылку с тревожной надписью «Рябина на коньяке».

— Откуда это у тебя?

— Спорим, ты давно не пил такое?

Эва достала два граненых стакана из бабушкиного серванта. Бахус открыл двери и вымыл их под дождем. Затем откупорил бутылку, разлил по стаканам и хотел было произнести речь, но Эва растерянно сказала:

— Прости, но здесь нет никакой еды.

— Забор низкий. Я заметил у соседа курятник. Красивый такой, на возвышении.

— С ума сошел? Это гордость соседа, он называет его «еврокурятник».

— Я сейчас...

Бахус накинул на себя дождевик, висевший на гвозде у входа, запрыгнул в какие-то сапоги на несколько размеров меньше, и вышел на улицу. По-молодецки перемахнул забор. В окнах соседнего дома горел тусклый свет. Бахус бесшумно, как ниндзя, подкрался к еврокурятнику, отодвинул щеколду и ворвался в общество сонных кур. Птицы засуетились, увидев чужака, стали беспорядочно перемещаться в замкнутом пространстве. Бахус быстро нашел несколько яиц и тихой поступью пошлепал по лужам обратно.

— Часто ворует? — Эва аккуратно приняла добычу из рук Бахуса.

— Периодически. Если поймают, тебя не сдам, скажу — действовал в одиночку.

— За что пить будем?

— За тебя.

Он проглотил старинное пойло. Вкусовые рецепторы Бахуса, избалованные за последние годы дорогим вином, резко возмутились. В мозг поступили тревожные сигналы, неприятно закололо в левом подреберье.

Вспомнил детство, когда праздновал с друзьями сдачу итоговых экзаменов. Пили примерно такое вино. На другое денег не хватило. Тогда друзья несли на себе юного Бахуса, как раненого солдата. Передали тело отцу. Отец поволочил за собой полуобморочного сына, уложил спать.

Эва разогрела чугунную сковороду, пожарила яичницу. Бахус только сейчас вспомнил, что ничего не ел в течение дня. Запах жареных яиц на сливочном масле закружил ему голову.

— Иди сюда, — Эва достала две искривленные вилки.

Присели за маленький столик.

— Это мне, — сказал она, отделив одну четвертую часть, — остальное сам.

Бахус не стал спорить. Проглотил благодатную пищу. Добавил в стаканы еще немного бабушкиного пойла. Когда закончилось вино, Эва заварила травяной чай. Вместе с вином закончились и слова. Они молчали, слушая, как дождь и сумасшедший ветер пытаются разрушить их маленький дом.

Телефон Бахуса загорелся входящим сообщением.

Только одна фраза: «Тебя полиция ищет».

Значит, все-таки, узнал его охранник. Этого и стоило ожидать, ведь Бахус не прятался. Подошел при свете дня, поздоровался и выбил парню несколько зубов. Тот оказался сильным малым. Даже повалил Бахуса на землю и несколько раз приложил кулаком по лицу. Это еще больше раззадорило винодела. Он вырвался из ближнего боя, нанес несколько сокрушающих ударов. Охранник повалился на землю, как мешок с картошкой.

«Этой рукой ты тащил ее за волосы, сука, отвечай», — Бахус цепился в запястье охранника.

«Этой. В следующий раз, этой же рукой я сломаю ей нос, пусть только сунется в клинику», — прохрипел охранник, сплевывая кровяной сгусток.

Бахус даже не успел принять решение, как тело сделало все за него. Запястье охранника резко хрустнуло. Тот захлебнулся коротким криком и уткнулся лицом в холодную ноябрьскую землю.

— Ты ничего не изменишь, — он долил остатки вина в стаканы.

— Знаю.

— Тогда зачем все это?

— Долги отдаю. Мама хотела сделать аборт, когда узнала о беременности. Отец ее поддержал. Меня бы не было сейчас, если бы не подруга мамы. Она сказала маме: «Не убивай, родишь — я заберу». Мама согласилась. После родов подруга исчезла на две недели. Мама ждала ее. Но когда подруга пришла за мной, у мамы случилась истерика. Она вдруг поняла, что не хочет отдавать меня. Пить бросила. Отец чуть не придушил эту подругу. Ушел от мамы. Вот такая история. Кто-то должен бороться, получать по ребрам, зубы сплевывать.

— Весь город думает, что ты сумасшедшая.

— А ты?

— Я не думаю. Я знаю.

— Кто бы говорил, — сказала она сквозь смех, — постоянно разговариваешь с невидимым собеседником. Это тоже клиника, друг мой.

— Этот невидимый собеседник — мой лучший друг.

— Нас обоих упекут в психбольницу.

— Мне пора. Дети дома одни. Можно потом забрать одежду?

— Можно.

Уже на пороге, всматриваясь в непроглядную стену дождя, спросил:

— Чего ты хочешь больше всего?

— Хочу в детство, где голосом мамы уничтожались любые демоны.

Он так и ушел в бабушкином наряде, радуясь, что оставленная одежда дает ему повод вернуться.

Проливной дождь охлаждал горячую голову Бахуса. Страшные химические процессы протекали в его огромном теле. Бахус почувствовал себя неуязвимым, бессмертным. Он вдруг понял, что ничего не боится. В

памяти мелькнули строки любимого поэта: «пока ты была со мною, я не боялся смерти». Как же ты прав, старик.

До машины нужно было пройти несколько сотен метров. Бахус двигался в полной темноте. В соседних домах не было наружного освещения. Тропинка, размытая дождем, то проваливалась под ногами, то вырастала неожиданными препятствиями. Бахус скользил, шатался, как огромное дерево под натиском ветра, пока не упал лицом в грязь. Но и это не испортило ему настроение. Рукавом смахнул с лица комья грязи.

«Что скажешь, дорогая?» — мысленно обратился он к святой Эмили.

«Скажу — смотри под ноги, у тебя полные ботинки воды».

«Ревнуешь?»

«Нисколько. Не распаяйся сильно. Дома тебя ждет одиночество. Наследник давно спит. Зайдешь в свою пустую комнату и почувствуешь мерзость запустения, она же «острый эвадефицит».

«Говори, что хочешь. Я люблю тебя. Весь мир люблю, кроме того идиота, которому несколько часов назад сломал руку».

«Завтра поговорим. Ты совсем сбрендил. Держи себя в руках, еще нужно перед сном подумать о чем-нибудь тревожном».

«Только не сегодня».

«Я скучаю по тебе прежнему. Опиши себя до встречи с ней, хочу запомнить. Скоро от тебя совсем ничего не останется».

«Ладно. Специально для тебя, моя дорогая: каждую ночь он задавал себе вопросы тревоги: что делаю? куда иду? как живу? Может, потому что прожитый день похож на прожитую жизнь в миниатюре, или он попросту был самоедом. В любом случае, этот мини-«Страшный суд» вершился каждую ночь, стоило только выключить свет, прилечь и уставиться в бесконечность глянцевого потолка».

6

Бахус весь день провел в ожидании неприятной встречи, но телефон молчал. Ни одного клиента в погонах. «Может, у них дела важнее нашлись?» — успокаивал себя Бахус. В любом случае, если захотят найти — найдут. С этими мыслями он сводил кассу. Последние посетители давно уже растворились в ноябрьских сумерках. Бахус уже собирался уходить, когда услышал скрип деревянной лестницы. Ритм монотонный и четкий.

«Это или поэт, или наемный убийца», — обратился он к святой Эмили.

«С ума сошел? Скажи, что мы закрыты. Пусть уходит».

В дверях показался молодой человек спортивного телосложения. Сломанные уши, как у бойцов смешанных единоборств. Перекаченная шея. Бессмысленно блуждающие рыбы глаза. Брови исполосованы линиями рассечений.

— Здесь вина дегустируют?

Он подвинул высокий стул к стойке. Уселся. Уставился на Бахуса.

— Вранье. Здесь случаются банальные пьянки.

— Тогда я не ошибся подвалом.

— Я закрываюсь. — Бахус указал пальцем на часы.

— Меня Никита зовут. Никита Овчаров, слышал, наверно?

— Нет, — соврал Бахус.

Конечно, слышал. Семью Овчаровых знали все. Эти ребята подмяли

под себя не только город, но и область. Они совали свои лапы буквально везде, где можно получить прибыль: животноводство, гостиничный бизнес, частные клиники. Одна семья сумела разрастись до устрашающих пределов. Как раковые клетки, они поедали пространство с пугающей скоростью, сминая конкурентов.

В городе ходили разные легенды. Федорыч, например, утверждал, что Овчаровы — инопланетяне. Не спят, не едят, — только делают деньги. Почему-то Федорыч считал, что главная задача инопланетян — разбогатеть.

Миша Фарисей называл их ангелами.

«Как нехорошо врать. Ты же знаешь этого отпрыска», — шепнула святая Эмилия.

«Отстань».

— Тогда давай знакомиться, — Никита. — Он протянул руку.

Бахус пожал железную клешню Никиты.

— Сергей.

— Ты в курсе, что никто не зовет тебя по имени?

— Знаю.

— Почему позволяешь? Это неуважение.

— Слушай, Никита. Мне нужно закрыть подвал, извини.

— Если я уйду прямо сейчас, то ты закроешь подвал и больше не откроешь его никогда. Так что налей мне и себе.

— Твою... — Бахус швырнул ключи на стойку бара, снял куртку и выдержал взгляд Никиты.

— ...Мать. Договаривай до конца, ты ведь хотел сказать «твою мать».

«Аккуратно, эти вурдалаки сожрут тебя вместе с подвалом».

«Не лезь».

Бахус достал из зеркального шкафчика французский коньяк.

«Слишком изящно, для такого...»

«Я же сказал, не лезь», — прервал он голос святой Эмилии.

— Ты что-то сказал? — Никита сам разлил коньяк по бокалам.

— Тебе показалось.

— Давай к делу. — Он залпом выпил напиток, который принято смаковать.

— Слушаю.

Бахус чувствовал неприятное покалывание под ложечкой, как в детстве перед дракой.

— Продай подвал.

— Нет.

— У тебя нет выбора.

Никита налил себе еще.

— Да ладно. — Бахус улыбнулся той самой улыбкой, которая навсегда останется в памяти избитого охранника.

— К сожалению.

Они прикоснулись бокалами. Хрустальный звон разлетелся по лабиринтам подвала.

— Иди в жопу, — весело произнес Бахус. — Я выбираю «послать тебя» в грустное анатомическое приключение. Вот видишь, а ты говорил, что нет выбора.

Бахус смотрел на Никиту как на подростка, который внезапно захотел стать крутым, но не рассчитал силы.

— Спасибо, — улыбнулся Никита.

— Пожалуйста. Еще коньяк?

— Конечно. На чем мы остановились.

— Я тебя послал.

— Ах, да, спасибо, — он подставил Бахусу бокал. — Спасибо, что позволяешь почувствовать себя обычным смертным. Кругом одни подлизы. Я такие фразы только в кино слышу. Целую вечность никто не посылал меня.

— Обращайся, — сказал Бахус, и они снова выпили.

— Видишь, я мирный человек. Вот сейчас... — Он указал пальцем в сторону двери, — паркуюсь у твоего подвала, а тут какой-то чудик как давай орать. Говорит, это его место. Дескать, живет здесь недалеко и всегда паркуется на одном и том же месте. Я послал его туда же, куда ты послал меня. Пальцем не тронул. О чем это говорит?

Бахус сразу понял, что речь идет о Мише Фарисее. Помимо всех прочих заповедей, Фарисей соблюдал еще одну: «не занимай парковку ближнего». Он свято верил, что кусок асфальта, на котором ты несколько раз оставил машину, автоматически становится твоей собственностью. Эту заповедь Миша подкреплял несуществующими цитатами из апостола Павла.

Несколько человек не послушали Мишу и апостола Павла. Оставляли машины, затем находили их поцарапанными. Когда эти люди обвиняли Фарисея в порче имущества, тот лишь смиренно тыкал указательным пальцем в небо и говорил: «Сие произошло, дабы научить нас смирению. Не нужно сильно переживать, ведь машина — кусок железа, а гнев, который сейчас испытывает владелец поцарапанного авто, погубит душу».

Из телефона Никиты вырвался истеричный рэп. Никита начал давить на кнопку отключения, но телефон отказывался подчиняться. Экран погас, но репер продолжал вещать. После очередной попытки заткнуть певца, Никита ударил телефон об стойку бара. Побезженный аппарат замолчал. Рэпер погиб в нем, даже не успев понять причину своей гибели.

Бахус почувствовал боль в районе поясницы — верный признак того, что опасность близка. Он не знал, откуда взялась эта природная сигнализация. Она шла в базовой комплектации Бахуса.

— Что ты хочешь?

— Чтобы семьи не распадались, — равнодушно ответил Никита.

Никита, как опытный хищник, заметил брешь в обороне Бахуса. Речь его стала уверенней.

— Говори или вали отсюда.

— Хорошо, обнови, пожалуйста, — он подвинул Бахусу пустой бокал, — когда я был маленьким, папы вечно не было дома. Я скучал. Теперь, когда вырос, помогаю родителям не разлучаться с детьми.

— Молодец. Теперь иди в свой маленький рафинадный мир. Тебя ждут силиконовые куклы и порошок. Ничего не бойся. Я своего сына не собираюсь бросать.

— Правильно, — улыбнулся Никита, — ты хороший отец. Но эти сволочи полицейские придут за тобой. За избиение охранника светит минимум три года.

— Как ты узнал?

Боль в спине усилилась. Бахус почувствовал, как погружается в холодное болото. Пространство вокруг теряет очертания. Стойка бара тонет вместе с ним. Только непотопляемый Никита сидит на философском камне и ухмыляется.

— Все знают. Местные СМИ пишут о тебе. В интернете развернулась целая война, одни называют тебя дебилом, другие — Зорро. Кто она тебе?

— Друг.

— Тогда все правильно сделал. Я за друзей убить могу.

Любая вылазка Эвы получала резонанс в прессе, поэтому журналистам без труда удалось решить ребус с избитым охранником.

— То, что ты можешь убить, всем известно.

— Перестань. Это грязные слухи. Полиции здесь нет, потому что я просил их не спешить. Продай подвал.

— Напомни, я уже посылал тебя?

— Да, — Никита посмотрел на часы, — двадцать минут назад. Ладно, мне пора.

Никита встал из-за стойки, застегнул куртку. Будто бы случайно уронил бокал. Стекло разлетелось в стороны.

— Ты помог с заявлением?

— Да. Отлично написано. Прилагается справка из больницы с перечислением побоев. Есть даже то, чего ты не делал. Но это, мой друг, недоказуемо. Зато в глазах судьи будет выглядеть железным аргументом. Так что жди гостей. И поверь мне, ты не отделаешься условкой, вот просто проверь. Если продашь подвал, заявление исчезнет, слово даю. Тебе сутки на раздумья.

— Какой же ты мудака.

— Перестань. Я пытаюсь подарить тебе свободу. А мог бы просто забрать подвал. Это благородно.

Он мигом развернулся и исчез. Даже лестница не скрипнула. Возможно, Никита взлетел по ней, не касаясь ступеней.

«Спокойно, мы что-нибудь придумаем».

«Ты здесь. Я думал, спишь».

«Я никогда не сплю. Прошу тебя, встань и возьми салфетку».

«Мне не до шуток».

«Мне тоже, нужно кровь остановить».

Бахус только сейчас заметил, как красный ручеек течет по стойке. Он медленно разжал кулак и вытащил осколки из разрезанной ладони.

7

В каморке Федорыча пахнет спиртовой настойкой, квашеной капустой и предательством. Володька сидит в старом кресле. Это одно из тех кресел, конструкция которых напоминает трон. Высоко поднятые подлокотники, высокая спинка, — чувствуешь себя монархом. Так и хочется отдать какой-нибудь приказ и пойти войной на соседнее государство.

Федорыч расположился на полу. Фантазия Володьки на мгновение меняет декорации каморки на обстановку тронного зала. Время власти давит на него, сильнее прижимая к трону-креслу. Федорыч становится шутком. В руках у него старая шарманка. Сейчас начнет петь дурацкие песни. Но вместо этого, Федорыч говорит:

— Давай думать, как выбраться, идиотина.

Эта фраза мигом уничтожает царский интерьер, наспех нарисованный фантазией Володьки. Федорыч лишается смешного колпака, и шарманка превращается в бутылку настойки. Деревянная пробка с шумом вылетает из горлышка.

Федорыч предельно сосредоточен, как генерал перед боем. Аккурат-

но наполняет стаканы «лечебным напитком». Он повторяет то, что говорил уже миллион раз, когда предупреждал Володьку, что все это плохо закончится. Семья распадется, и тоска по детям сделает Володьку несчастным человеком. Но Володька уже ничего не слышит. Перед его глазами мелькает сцена последнего разговора с женой. Как будто кто-то записал воспоминание и поставил на повтор.

Вот он заходит домой. Говорит свою фирменную фразу: «Принцессы здесь живут»? Обычно после этих слов раздается топот детских ножек. Принцессы с разбега бросаются на шею своему папе. Но сейчас тишина. Он повторяет вопрос. Обернувшись, вздрагивает. Из спальни выплывает прозрачная фигура жены. Ирина передвигается, не касаясь пола. Странно, Володька и не знал, что супруга умеет летать. Столько лет прожили вместе, могла бы и сказать. У Ирины белое лицо, губы дрожат. Вместо глаз — маленькие языки пламени. Это пламя — единственный источник света в темной квартире Володьки.

— Где девочки? — Он аккуратно прикасается к плечу Ирины.

«Слава Богу, не призрак».

От прикосновения Ира дергается, как от удара током. Только сейчас ее ноги опускаются на паркет.

«Это хорошо», — думает Володька.

Разговаривать с парящей женой неудобно. Ира берет его за руку и ведет к монитору компьютера. Руки ледяные. От этого исчезает привычный домашний уют, который так любит Володька. Собственно, Ирина, источник этого уюта, превратилась в Снежную королеву.

Дальше происходят совсем немыслимые вещи: исчезает потолок, комнату начинает засыпать снегом. Любимый диван Володьки превращается в огромный сугроб. Он чувствует, как через руку Ирины холод проходит в каждый участок тела. Снег усиливается. Володька уже с трудом пробирается по снежным заносам собственной квартиры. Бесконечно долгий путь к монитору пройден. Ира щелкает мышкой. Загорается экран. Володька видит свою переписку с Ароновой. Он даже вспоминает, когда писал эти сообщения. Его начинает тошнить от слов, которые совсем недавно распалы и давали нечеловеческую силу.

Ирина отплывает к окну. На нее снова не действуют законы притяжения. Откуда-то из белого безмолвия квартиры раздается ее спокойный голос:

— Зачем ты так?

От ледяного дыхания Иры трескаются стекла. Ветер врывается в квартиру. Снежинки бьют по лицу, оставляя едва заметные порезы. Метель, как безумная ведьма, идет по комнатам и убивает все живое. Володька кричит сквозь пургу: «Прости», но Ира не слышит. Он с трудом доходит до окна. Ирина жестом призывает стихию успокоиться, и стихия повинуется.

— Прости меня. Прости мое тело.

Понимая нелепость произнесенных слов, Володька беззвучно плачет. Ирина гладит его ледяной рукой по голове.

— Помнишь, ты говорил, что счастье — это когда в субботу мы всей семьей завтракаем, затем идем гулять и весь день проводим вместе. Потом укладываем девочек спать. Сидим у кроваток. Когда они засыпают, мы целуем их слегка вспотевшие лбы. Затем наступает наше время. Пьем вино, смотрим какой-нибудь фильм.

Володька молча кивает. Ложится в сугроб. Ира присаживается рядом.

Держит Володьку за руку. Он практически уверен, что сейчас замерзнет насмерть. Холод остановит кровотоки. Замерзнут вены, и сердце остановится.

— Почему так холодно? — тихо произносит Володька.

— Потому что мы в аду.

— Нет, не правда. В аду жарко. Там огонь.

— Огонь бывает только там, где есть надежда.

— Прости меня, — онемевшими губами он целует ледяную руку Ирины.

— Прощу, только если уйдешь. Навсегда.

Володька поднимется. В последний раз обнимает прозрачную фигуру жены. По колену в сугробах медленно двигается в сторону двери. Мимо детской комнаты, где на стене еще висит поздравление дочек с днем рождения.

Мимо огромного двустворчатого шкафа, который пришел без инструкции, и они с Ирой собирали его весь день.

Уже у двери оборачивается. Почему-то вспоминает жену Лота. Вот бы сейчас превратиться в соляной столп. Но ничего такого не происходит. Ира без единой эмоции смотрит на него. Огоньки в глазах горят не так ярко, как несколько минут назад. Володька открывает дверь и четко понимает, что только жена и дети нужны ему сейчас больше воздуха. Все, что было связано с ней и детьми, называлось счастьем. «Господь доверил тебе чистые души, а ты потерял их», — звучит голос мамы, где-то далеко в подсознании.

8

Узкие театральные коридоры периодически освещаются дисплеями мобильных телефонов. Актеры и технический персонал, как муравьи, передвигаются, на ходу обмениваясь с коллегами короткими фразами. Театр был спроектирован по западному образцу. Зритель видел только сцену и небольшой зал на 150 человек. Только персонал знал о существовании бесконечных коридоров, которые прерываются гримерками и комнатами отдыха. Есть несколько выходов на улицу. Артисты там курят, отдыхая между сценами.

Эва старалась не останавливаться. Несколько раз она услышала стандартную фразу: «Куда пропала», но ни разу не ответила. Они прекрасно знали, куда пропала Эва. Учитывая шум, который подняла пресса, об этом должны были услышать даже в соседнем регионе.

Без стука вошла в кабинет режиссера.

— Здравствуйте, Вадим Александрович.

Вадим Александрович, прозванный труппой «Психом», сидел в своем кресле и пялился в чистый лист. Эва подошла ближе. Еще раз поздоровалась. Псих по-прежнему сохранял молчание. После третьей попытки поздороваться Эва взяла карандаш со стола режиссера и написала на листе: «Прости». Псих сразу же очнулся. Безумным взглядом уставился на Эву.

— Прости, завтра все в силе. Я сыграю.

— Ты совсем с ума сошла? Я тебя уволю.

— Не уволишь.

— Кто мне помешает?

— У тебя нет времени на вводы. Ты не доверишь артистам ввести другую «Машу» самостоятельно.

— Иногда мне хочется ударить тебя.

— Иногда?

— Неужели сложно было просто позвонить. Два слова сказать.

Он зачем-то открыл окно. Постоял немного под ледяным сквозняком и вернулся в кресло. Зимний ветер выдул из него весь гнев.

— В этом городе никому не нужен театр. Ни властям, ни людям.

Знакомая для Эвы интонация безысходности. Режиссер время от времени погружался во внутренний ад, бродил там в одиночестве. Никому не позволял сопровождать себя, кроме Эвы. У нее имелся дубликат ключей от творческой преисподней Психа. Только Эва могла кормить с руки внутренних демонов режиссера и подобно Вергилию вести Психа к свету, к таинственной Беатриче.

9

Бахус бежал по замерзшему озеру. Лед крошился под ногами. Многочисленные линии-трещины соединялись в ледяную паутину. Бахус ощущал в себе небывалую силу. Глубоко вдыхая холодный воздух, он был уверен, что если сейчас на его пути появится какой-нибудь зверь, то Бахус убьет его голыми руками. Затем съест еще неостывшее сердце хищника.

Так и произошло. Огромный волк возник из ниоткуда. Хищник низко наклонил голову. Показался белый оскал клыков. Волк готовился встретить Бахуса смертоносным прыжком. Когда их тела столкнулись в воздухе, Бахус услышал, как хрустят кости и рвутся сухожилия. Волк прокусил ему руку до самой кости. Они рухнули на лед. Бахус сильно ударился затылком. На какие-то секунды потерял контроль. Волку хватило этих секунд, чтобы впиться клыками в плечо. Сломанная ключица показалась сквозь порванные ткани. Разорванной рукой Бахус продолжал защищать горло, зная, что волк нацелен именно туда.

Внезапно раздался хруст. Теплом своих тел Волк и Бахус растопили лед. Еще мгновение, и они упали в ледяную невесомость. Волк ослабил хватку, пытаясь всплыть на поверхность, но Бахус крепко прижал его к себе. Сотни ледяных иголок пронзили его тело. Погружаясь на глубину, Бахус не знал, где заканчивается его тело, и начинается тело хищника.

Бахус проснулся в холодном поту. Скрипач лежал на его шее, как меховой воротник и громко мурлыкал. Сознание не сразу смирилось с обстановкой: рабочий кабинет, полупустая бутылка виски. Какие-то секунды он разглядывал пространство, искал волка. Затем реальность накрыла его новой волной страха. «Даня и Вера. Где они сейчас? Неужели он забыл про детей»? Но в эти же секунды пришло спасительное утешение. Он вспомнил, как после ухода Никиты Овчарова, позвонил маме и попросил остаться у нее с ночевкой.

«Стареешь. Вот так уснуть в кресле...»

«Эмилия?»

«Смени повязку».

Бахус безразлично посмотрел на алые бинты, стянувшие руку. Видимо, во сне он крепко сжимал кулаки, и рана начала кровоточить сильнее. Смывая кровь и накладывая новую повязку, он мечтал сейчас оказаться в том старом доме. Побывать еще немного с Эвой. Посмотрел на часы —

23:30. Дети наверняка еще не спят. Заставил себя одеться и выйти на улицу.

Морозный воздух только усилил внутренний холод Бахуса. Он нарушил законы сна. Унес с собой кусочек сновидения. Теперь часть ледяного озера осталась в нем, смешалась с составом крови.

«Всего одна сигарета, Эмилия. Мне пора домой».

«Чего ты так дрожишь?»

«Только что я дрался с волком».

«Победил?»

«Нет».

«Предсказуемо. Я бы не ставила на тебя».

«Умирая, я забрал его с собой».

«А вот это подло. Нужно уметь проигрывать достойно».

Бахус побрел вдоль знакомых улиц. Тусклый свет фонарей размывал в пространстве ночи его огромную фигуру. Он специально пошел дворами, чтобы срезать путь. Внутренний холод все больше сковывал движения. Раненая рука пульсировала. В памяти мелькали отдельные фразы Никиты Овчарова. Не стал обходить детский сад. Перепрыгнул через калитку и пошел напрямую — так быстрее. Знал, что охранник может появиться в любой момент. Но пройти в таком состоянии лишние двести метров не мог. Еще немного, и он превратится в ледяную скульптуру. Холод сожрет его изнутри. Нужно срочно спастись. Обнять детей. Они же святые. Святые всегда помогают, особенно, когда внутренний холод пытается убить тебя.

Бахус почувствовал себя Гулливером. Маленькие лавочки. Аккуратные беседки. Асфальт, исписанный мелом. Мир в миниатюре. Вспомнил, как рисовал огромного кота в одной из беседок по просьбе воспитательницы. Остановился, посмотрел. Кот на месте, только выглядит немного иначе. Кто-то дорисовал ему огромные усы, как у Сальвадора Дали.

Аккуратно прошел через неосвещенную площадку. Очень кстати здесь перегорел фонарь, как раз у забора. Бахусу осталось преодолеть последнее препятствие, и он дома.

Периферическим зрением заметил черное пятно, напоминающее фигуру человека. Сознание подсказывало: «Не останавливайся». Но Бахус почему-то не мог двигаться дальше. Он медленно повернулся. Фигура стояла неподвижно, спиной опираясь на железную лестницу. Голова опущена на плечи, руки безвольно висят вдоль туловища. Бахусу показалось, что человек этот стоит на носочках. Не понимая зачем, подошел ближе и замер. Сразу же узнал Мишу Фарисея. Он как будто спал, но при этом парил в воздухе. Ноги не доставали до земли. Железная цепь впиалась в шею. Бахус отступил на несколько шагов и упал, споткнулся о борт песочницы.

Миша Фарисей, повешенный на шведской лестнице в детском саду. Господи, вот бы сейчас проснуться.

«Спокойно. Иди домой, утром охранник заметит его и вызовет полицию. Если прикоснешься к трупу, придется долго объяснять, что ты делал в такое время на территории детского сада».

«Эмилия. Ты здесь?»

«Я всегда рядом».

Бахус с трудом перелез через ограду. Холод окончательно завладел его телом.

Прозвучал первый звонок. Зрители постепенно рассаживались. Эва любила этот шум, сотканный из шороха одежды, шепота, шуршания программ. Она всегда садилась у правого портала сцены и слушала. Артисты в полной боевой готовности стояли за кулисами.

Эва дождалась второго звонка. Бесшумно обошла кулисы. Дежурный свет тускло обозначал предметы. Венские стулья хаотично разбросаны в пространстве. Но это ненадолго. Скоро начнется спектакль, артисты выбегут под музыку Луи Армстронга с этими стульями в руках. Предметы мебели оживут во время. Мощный дубовый стол вспомнит о творческих муках Треплева. Маша в гротескной манере будет кричать о своей любви к Константину Гавриловичу. Надменный Тригорин начнет расхаживать босиком по залу, присматриваясь к Нине Заречной. Время исчезнет, и персонажи «Чайки» станут современниками зрителя, который пришел в театр в узких джинсах с оголенными щиколотками.

Как человек из другого измерения в этом театральном пространстве появился Бахус. Он вошел неслышно, через служебный вход. Не сразу дал о себе знать. Какое-то время следил за Эвой, но когда она вошла в темный карман сцены, Бахус уже не мог оставаться незамеченным. Другие артисты не обращали на него внимания. Видимо, приняли Бахуса за очередного монтировщика сцены. За последнее время сменилось много персонала.

— Как тебя пропустили? — шепотом спросила Эва.

Она взяла Бахуса за руку. Они прошли по небольшому лабиринту кулис и оказались в маленьком слабоосвещенном пространстве. Театральные маски, высокие железные троны, бутафорские фрукты и предметы мебели слились здесь в сюрреалистическую массу.

— У меня был алкогольный пропуск десятилетней выдержки.

Эва понимающе улыбнулась.

— Смотри, как выглядит братская могила спектаклей. — Она обвела взглядом комнату.

— Почему не закопаете?

— Жалко. Память. Через пять минут начинаем. Зачем ты пришел?

Ему очень хотелось рассказать про повешенного Мишу Фарисея. Про звонок в полицию, который он, Бахус, сделал сразу же, как поднялся домой. Про то, как полицейские снимали тело Миши, а Бахус наблюдал за этим сквозь складку в шторе. Про встречу с Овчаровым. Про ледяное озеро и драку с волком. Про холод, который, казалось, навсегда поселился в нем. Только Эве и святой Эмилии можно доверить самые страшные тайны. Но вместо этого он сказал:

— Вот, ты потеряла... — И раскрыл ладонь. В руке показалась сережка с бирюзой, немного потерявшая временем. Бахус не хотел возвращать, но это был единственный адекватный повод снова увидеть Эву.

— Спасибо, — она некоторое время рассматривала сережку, затем положила ее в карман. — Странно, третий звонок не дают.

— Через пять минут будет звонок. Звукорежиссер сказал, что возникла внештатная ситуация. Мне пора.

В комнату ворвался артист, исполняющий роль Треплева. Мельком взглянул на Бахуса и Эву, бросил револьвер на старый стул и убежал.

Стараясь ступать неслышно, Бахус подошел к служебному входу. Старая дверь еле слышно скрипнула.

— Тебе нравится этот спектакль? — голос Эвы за спиной мягко опустился на спину.

— Нравится, — сказал Бахус, не оборачиваясь. — Особенно монолог Треплева.

Он выбежал в ледяной ноябрь. Нашел в себе силы не оборачиваться. Уговорил себя не оставаться на спектакль. Ноги несли его куда-то, но Бахусу было наплевать, куда он идет. Все равно там не будет Эвы.

Спектакль был сыгран в полной тишине. Организованный зритель (старшие классы одной из школ) смотрели тихо и безучастно. Почти все они пришли сюда не по своей воле. Получили инструкции сидеть молча и наслаждаться искусством. На всякий случай им обещаны хорошие оценки по литературе. Они подавляли в себе желание аплодировать (а вдруг никто не поддержит, и будешь один хлопать в ладоши, как идиот). Так и просидели два часа, не понимая, что актерам невыносимо работать с таким инфантильным залом.

Но все же есть одна отличительная черта у организованного зрителя. Они неистово аплодируют на поклонах. Непонятно, то ли спектакль понравился, то ли рады, что, наконец, закончился.

Псих, приваленный грузом собственных мыслей, сидел на заднем ряду. К нему подошла высокая сухоощавая женщина с непропорционально огромной прической. Вечернее платье душило ее худосочное тело. Тонкие ключицы, как маленькие птицы, махали крыльями, когда она в возмущении поднимала руки и чертила в воздухе какие-то символы, иллюстрируя свое возмущение.

— Как вам не стыдно. Это не Чехов, — закричала она.

Псих даже вздрогнул от неожиданности.

Воспаленными глазами он уставился на нее. Его сознание все еще летало за пределами этого зала, в лучшем из миров, где критики понимают и ценят постановки Психа. Где актеры готовы репетировать до потери сознания и власти благоволят театру.

— Почему вы так смотрите? Что, я не права?

— Простите, я прослушал. Можно сначала, — растерянно произнес Псих.

Женщина широким театральным жестом обвела пространство. Сложная конструкция ее прически слегка накренилась, но быстро приняла прежнюю геометрию.

— Это кривляние и пошлость. Бессмысленные поиски новых форм. Преступление против русской классики.

— Тогда вы соучастник, — улыбнулся Псих.

— Это не Чехов. — Она ткнула длинным указательным пальцем в сторону зала и чуть не пробила грудь Владимира Михайловича насквозь.

— Вы правы, — это не Чехов, это — Владимир Михайлович, монтировщик сцены. Надеюсь, он не ранен.

— Простите, пожалуйста, — женщина улыбнулась ровным строем белоснежных зубов и тут же была прощена.

— Вадим Александрович, — Псих протянул ей руку. — Можно просто Вадик.

— Вера Артуровна, директор школы №10.

Псих поцеловал ей руку.

— Вы вкусно пахнете, Вера.

Лицо Психа разделилось на два полюса. Безумные глаза конфлик-

товали с широкой улыбкой. Вера не могла понять, злитесь он или улыбается. Только близкие знали, что тревога живет в глазах Вадима с детских лет. Однажды отпечатавшись на сетчатке, она осталась там навсегда.

11

Эва не сразу узнала ее. Как писатель не сразу узнает вдохновение, которое появляется внезапно и может принять любую форму: яркие цветные пятна, ощущение счастья откуда-то из детства, голос мамы или нематериальная форма еще неописанной красоты.

Она двигалась, как инородное тело в шумном людском озере. Маленькая фигурка беспрепятственно плыла вперед. Аплодирующая толпа наступалась перед ней, как море перед Моисеем. В руках букет чайных роз. Глаза, не мигая, смотрят на Эву.

На какие-то секунды шум зала исчез. Эве казалось, что она отчетливо слышит звук ее шагов.

Маленькая, в прозрачном белом платье — в такую погоду можно на смерть замерзнуть.

— Спасибо за игру. И вообще, за все спасибо, — сказала она и протянула Эве букет.

— Что это?

В центре букета лежала черная коробочка, перевязанная алой лентой.

— Это вам. Подарок.

Эва раскрыла. Несколько маленьких куколок с асимметрией тела. Головы не у всех приклеены ровно. Те самые куколочки, из клиники.

— Вы ровно срезали, поэтому клеить было легко. — Какое-то время Эва рассматривала подарок. Девочка присела на пол, по-турецки сложив ноги.

— У тебя все хорошо? — тихо спросила Эва.

— Да. У нас все хорошо, — провела рукой по животу.

— Ты одна?

— Нет. Родители со мной. Но они странные совсем стали. Папа говорит, что я сошла с ума.

— Ты слышала?

— Они думали, что я сплю. Но я теперь почти не сплю. Я не верю этому доктору, но папа верит. Это очень обидно.

— Где отец ребенка?

— Не хочу его видеть. У меня почти никого не осталось. Подруги не звонят. Только мама и папа, но они постоянно молчат. Мне кажется, то, что я сейчас переживаю, называется ад.

В опустевший зал влетел молодой человек. Резко остановился в партере. Татуированной рукой сбил испарину со лба.

— Аня, пошли! — крикнул он так, что многие актеры позавидовали бы такому звучанию.

— Видите его глаза? — тихо спросила Аня, еще сильнее прижимаясь к ноге Эвы.

— Вижу.

Аня внимательно изучала трещины на театральном паркете. Разговаривая с Эвой, она мысленно ушла в бесконечные паутинки сколов и потертостей сценической площадки. Целый мир для того, кто может расшифровать этот код.

— У него в глазах тяжелый туман. Такой бывает только у отчаянных. Так смотрят только бывшие заключенные, банкиры, хирурги и беспризорные.

— Я без тебя не уйду! — вторая голосовая волна плотно легла на сцену и заполнила собой околосценическое пространство.

— Меня давно уже нет, Дима.

Слова эти были сказаны шепотом и были обращены скорее к Эве.

— Довольна? Посмотри, что ты сделала. — Он медленно приближался, как хищник перед броском.

— Кто ты?

— Тот, кого она любила до вашей встречи. Ты думаешь, что спасаешь мир? Bravo. Теперь любуйся, овца, смотри.

Он резко приблизился, убрал челку с лица Ани.

— Он хороший, просто не может понять, что меня уже нет. Гоняется за тенью.

И эти слова обращены к Эве, как будто Димы не было рядом.

— Я хочу, чтобы ты знала, — подошел вплотную, выдыхая в лицо Эвы винные пары. — Ты свела человека с ума. Живи с этим, засыпай и просыпайся с этой мыслью. Ты служишь не только Богу, поэтому не обманывайся. Как минимум пять человек страдают от твоей последней вылазки, звезда хренова. Ты же ничего не знаешь. У нее сердце слабое, недавно операцию делали. Она может умереть при родах. Но она твердо решила рожать, потому что святая Эва убедила ее.

Эва отшагнула от него, но Дима крепко схватил ее за руку и привлек к себе. Другой рукой он схватил Эву за шею. Колени невольно подкосились, и Эва упала рядом с Аней.

— Смотри, она бомба с часовым механизмом. Когда придет время, раздастся взрыв. Или не раздастся. Молись, чтобы никто не пострадал, от этого напрямую зависит твоя жизнь.

Горячий ветер лишил ее равновесия. Эва упала на спину, ощущая жар на щеках. Она даже не сразу поняла, что это Дима ударил ее наотмашь. Он вышел из зала с Аней в руках.

Администратор театра (женщина лишенная всяких эмоций) вбежала в зал, видя, как мужчина с бешеными глазами выносит полубморочную девушку. Потом она увидела Эву и спокойно ушла: «Подумаешь, актриса на полу валяется. Эти артисты вообще странные люди. Лишь бы не работать».

12

— Что это? — Вера указала на скворечник из пластиковой бутылки.

— Это детский садик для птиц.

— Почему пустой?

— Еще рано. У них с девяти открывается.

— А у нас?

— С восьми и мы сильно опаздываем.

— Напиши воспитательнице в чат, что мы задержимся.

— Уже написал. Каждое утро пишу.

Бахус и Вера шли по узкой тропинке через сосновый бор. Они каждое утро опаздывали, притом что жили в десяти минутах ходьбы от детского сада.

Маленькая Вера в воздушном платице. Волосы как струны затянуты в тугий пучок на затылке. Ладошка тонет в огромной руке Бахуса.

— Пап, а чего едят коты?

— Сметану, молоко, рыбу, птичек... чего они только не едят.

Маленькая Вера резко остановилась и уставилась на муравейник. Бахус молча встал рядом. Какое-то время они наблюдали за бессмысленным перемещением маленьких тружеников, затем Вера спросила:

— Значит, коты едят птичек?

— Да, — грустно подтвердил Бахус.

— А зонты?

— Что зонты?

— Коты едят зонты?

— Зонты — это не еда, — улыбнулся Бахус, поднимая Веру на руки и продолжая путь к садику.

— Пап, но птички — это тоже не еда.

Бахус крепко прижал к себе Веру. Как единственное чистое создание, с которым был знаком лично. Он думал об эгоизме. О детском и взрослом восприятии самых простых вещей. О том, что не нужно искать старцев в забытых монастырях, чтобы получить ответы на свои бесконечные вопросы. О том, что обнимая ребенка, на секунду становишься святым. Но только на секунду. О том, что Вера — главный учитель в его жизни.

— Пап, почему ты плачешь?

— Потому что скучаю по тебе.

— Тогда забери меня сегодня пораньше.

— Заберу, моя хорошая.

Вера подобрала длинную ветку. Одним концом уперла ее в землю, и теперь за ней и Бахусом тянулся змеевидный след.

— Пап, это чтобы ты не заблудился.

«Эмилия ты здесь?»

«Говори».

«Я боюсь, что мы не встретимся с ней в другой жизни».

«Не бойся. Помнишь, это самое главное — не бойся».

«Между нами пропасть, и она только увеличивается».

«Пока любишь — можешь летать, как супермен над этой пропастью».

«Ты очень умная, несмотря на то, что в голове у тебя деревянная пробка».

«Я — солнечные лучи, напитавшие лозу. Я — труд виноградаря. Я — прохлада древних винных погребов. Я — состав твоей крови. Я — это вытяжка из тебя, поэтому заткнись, громилка».

Когда подошли к садику, Бахус сразу вспомнил муравейник, повстречавшийся им на пути. Маленькие заспанные люди тянулись в сад со всех сторон. Вера равнодушно проводила взглядом мальчика, заматанного в сопли. Он плакал и упирался, но мама упорно толкала его в сторону сада.

— Почему он плачет? — тихо спросила Вера.

— Потому что понял: садик — это надолго.

Они поднялись в группу. Дочь достала сменную обувь из шкафа.

— купишь мне мороженое сегодня вечером? Горло прошло.

— Конечно. Слушай, суслик, если не захочешь ходить в сад, только скажи. Мы что-нибудь придумаем. Найдем человека в подвал и будем с тобой гулять, есть мороженое и бездельничать.

— А Мила? Тогда я не буду ее видеть.

В раздевалку вбежала круглолицая девочка с пылающими щеками. Она крепко прижала Веру к себе, затем облегченно выдохнула:

— Я думала, ты уже не придешь.

— Пока, мой любимый сурикат. — Он поцеловал Веру и вышел в прохладу леса.

Душное чувство предательства мучило Бахуса каждый раз, когда он оставлял Веру в саду. Он безуспешно убеждал себя, что дома ребенку намного скучнее. Что только в саду есть необходимое общение со сверстниками. Но внутренний голос разбивал эти аргументы одним словом — «предатель».

«Эмилия, ты здесь?»

«Не только я».

«О чем ты?»

«Слышишь шаги? Только не оборачивайся. Может мимо пробежит. Он тут каждое утро бегаёт».

— Привет, виночерпий, — железный голос Никиты Овчарова.

«Прошу тебя, только не драка», — шепнула святая Эмилия.

Никита Овчаров в полной боевой амуниции предстал перед ним. Черная спортивная форма. Утяжелители на руках и ногах.

— Этот лес знает слишком много. Хорошо, что деревья не могут говорить. Дикие были времена. Людей убивали за сущие пустяки.

— Что-то изменилось.

— Концептуально — нет. Только локации. Теперь не модно закапывать в лесу.

— Мне нужно идти. Прости.

Никита вцепился в запястье Бахуса. Гнев мощной лавиной накрыл винодела. Колоссальными усилиями Бахус подавил в себе желание сломать Никиту пополам. Никита выдержал огненный взгляд Бахуса и добро улыбаясь, подытожит беседу:

— У тебя времени до 21:00. Спустя минуту уже будет поздно.

Бахус резким движением освободил руку.

Вроде удалялся от Никиты, но было странное ощущение, что стоит на месте. Это деревья вдруг решили стройными рядами идти на него. Вот сейчас оголятся корни у древних сосен-великанов, и тогда Бахусу не спастись. Он станет добычей деревьев, которые, как и все в этом городе, служат Никите Овчарову.

Володька лег на пол и закрыл глаза. Так он занимал меньше пространства. Он надеялся потерять плотность тела. Разлиться по паркету и как можно быстрее испариться. Затем какой-нибудь добрый человек откроет окно, и его дух просочится в оконный проем и навсегда исчезнет. Но ничего такого не происходило. Он несколько раз надавил себе на ребра — твердые. Почему-то был уверен — процесс распада начнется с ребер.

В полной темноте путешествовал по лабиринтам сознания, пока не услышал стук в дверь — секретная комбинация в ритме песни «Бэлла чао». Темнота вокруг Володьки сгустилась так плотно, что теперь требовалось приложить большие усилия, чтобы двигаться дальше. Он почувствовал нарастающую тахикардию. Сердце какими-то неведомыми тро-

пами начало подниматься к горлу. Стук повторился. Теперь Володька понял, что источник звука находится в реальном мире — пора возвращаться. Он медленно открыл глаза. Если бы можно было выразить в двух словах степень влияния пространства на Володьку, то ничего лучше чем «мерзость запустения» не приходило на ум. Он отнес свое тело к двери.

— Уходи, — крикнул, прижавшись лицом к кожаной обшивке.

— Открой, я на минуту.

Даже здесь голос Ароновой звучал начальственно.

— Я сказал — уходи.

— Послушай, — она перешла на громкий шепот, — мы ведь не животные, чтобы вот так все забыть. Я пришла попрощаться. Сказать спасибо за все, что было. Мне очень жаль, что так случилось...

Володька открыл дверь. Даже не посмотрел на Аронову. Ушел на кухню.

— Тебе не интересно, как я нашла адрес?

— Нет.

— Федорыч сказал.

Она присела на высокий стул. Красивая. Пахнет вкусно. В руке бутылка коньяка.

Володька уставился на трещину в стеклянном столе, стараясь не задерживать взгляд на Ароновой. Он даже дышал не полной грудью. Запах ее духов срывал замки с тайных чуланов памяти. «Господи, почему я так слаб?» — подумал он, и ему показалось, что мысль эта большими буквами отпечаталась на его лице.

— Где стаканы? — Аронова распечатала коньяк.

— В шкафу над вытяжкой, — ответил он, не поднимая головы.

Когда стаканы наполнились наполовину, Аронова тихо сказала:

— Прости, я не хотела, чтобы твоя семья распалась.

— Тогда — не чокайся. — Володька поднял стакан.

Он залпом выпил все. На удивление, Аронова сделала то же самое.

— Ты никогда не пила залпом. Что случилось?

— У друга горе — жена бросила.

Она снова наполнила стаканы, уже до краев. Володька несколькими глотками выпил и уставился на Аронову. Второй стакан дался Ароновой с трудом. На глазах появились слезы, шея покрылась мурашками, но она смело дошла до дна. Володька беззвучно рассмеялся, рассматривая опустевшую бутылку коньяка.

— Ты когда-нибудь любила?

— Нет.

— Что ты за человек?

— Я люблю музыку, книги, китайскую еду. Много чего люблю, только не мужчин.

— Тогда какого хрена ты пришла, что тебе нужно?

Она наклонилась к Володьке и шепнула на ухо:

— Тело.

Губы ее коснулись мочки, и Володьку насквозь прошибло током.

— Пошла отсюда.

— Ты самый лучший тренажер на моей памяти. Это я тебе как спортсмен со стажем говорю.

Володька даже не понял, как Аронова оказалась у него на коленях. Прав был Федорыч, когда называл ее змеей. Она двигалась бесшумно.

— Тебе просто нужно принять свою слабость, и тогда станет легче.

Глупо борется. Ты ведь не борешься с чувством голода или усталости. Просто прими меня как силу, которой тебе нечего противопоставить.

Он снова разделился надвое. Вся решимость противостоять искушению подверглась массовой бомбардировке. Огонь ненависти, который еще недавно пылал в нем, превратился в тусклый огонек свечи. Аронова держала эту свечу в своей руке. Ее дыхание тревожило пламя.

«Когда она успела избавиться от одежды?» — спрашивал он себя, не помня, что это его руки минуту назад сорвали платье.

— Ты моя собственность. Каждый раз я буду забирать частицу тебя, пока ты совсем не исчезнешь. Ты мое мясо. Я буду питаться тобой столько, сколько захочу.

Они превратились в одно пульсирующее тело. Аронова вросла в Володьку, потекла по его кровеносным сосудам. Невидимые волны подбрасывали его все выше. Тело наполнялось энергией. Она через поры просочилась в него.

Сознание его без страховки поднималось по горным выступам. Он сделал несколько рывков, цепляясь за каменистые выступы. Подтянулся на одних пальцах, сбивая локти в кровь и, наконец, достиг вершины. Взорвался и разлетелся на маленькие кусочки. Горячее тело Ароновой буквально повисло на нем. Володька закрыл глаза, не желая видеть себя после взрыва разорванным на части. Он просто ждал, пока части тела снова сростутся. Кровь заставит биться сердце. Это происходило много раз. Нужно подождать немного, и все случится.

Сейчас он откроет глаза, посмотрит на Аронову и снова не поймет — как эта обычная женщина может так сильно влиять на него? Как эти мерзкие, сладкие духи еще минуту назад пахли утренней свежестью? Как это обычное тело казалось совершенным? Как он мог в очередной раз проиграть, прекрасно зная соперника?

14

— Привет, я не сильно помешал?

Бахус сидел на ступеньках в мятой одежде, небритый и пьяный. Сколько раз он проходил мимо этого дома, но вот сегодня решился зайти. Для этого ему понадобилось выпить несколько стаканов портвейна. Смелость пришла, и Бахус знал, что срок у этой смелости недолог, поэтому спешил действовать.

— Ты не перестаешь удивлять...

Эва в тонком халате, волосы распущены. В руке книга в черном переплете.

— Твое любимое. — Он вытащил из-за пазухи бутылку вина.

— Я тут готовлюсь к роли... зайдешь?

— Нам нужно идти. Тебе и мне.

«Идиот, ты же мечтал об этом. Приглашает зайти. Иди!» — шепот святой Эмили скользнул по лестничному маршу.

«Отстань. Я не настолько пьян, чтобы идти навстречу счастью».

— Сейчас приду.

Послышалась бытовая музыка из приглушенных звуков закрывающихся шкафчиков и лязга посуды.

«Иди, — говорю. Не бойся».

«А если не сдержусь. Полезу к ней. Во мне портвейна больше, чем крови».

«Это хорошо. В такие моменты ты становишься мною».

Эва вынесла тарелку с сыром, банку оливок и два бокала.

— Хочу сделать тебе сюрприз.

Бахус наполнил бокалы.

— Пикник в подъезде?

— Нет. Потом увидишь.

Бахус попытался попасть оливковой косточкой в пепельницу на подоконнике. Снаряд пролетел мимо и ударился об стекло.

— Слабак. Смотри, как надо.

— Это только первая попытка.

— Не надо оправдываться.

Косточка, запущенная Эвой, пролетела по высокой траектории и снова угодила в стекло.

Бахус громко рассмеялся и стал зачищать новый снаряд.

— Учись. — Он бросил косточку совсем далеко от цели, но каким-то невероятным рикошетом она угодила в пепельницу.

Шаркающая походка соседки прервала триумф Бахуса. Он кланялся и приветственно махал рукой воображаемой публике. Триумфатор первого в мире чемпионата по метанию оливковых косточек.

— Вы совсем дебилы?

Ни Бахус, ни Эва не смогли вот так с ходу ответить на этот простой вопрос. Бабушка (сухая, сгорбленная, как обезвоженный фрукт), не мигая, смотрела на них. Из впалых глазниц струились огненные лучи гнева. Бахусу даже показалось, что куртка на нем стала плавиться.

— Когда дети так себя ведут — понятно. Но взрослые люди...

— Зинаида Яковлевна, я сейчас все уберу.

Эва быстро подобрала косточки и закинула их в пепельницу.

— До чего ты докатилась. Пьешь в подъезде с каким-то алкашом.

— Что значит с «каким-то». Я не обычный алкаш, два высших образования, — возмутился Бахус.

— Убирайтесь отсюда. В следующий раз милицию вызову.

— Подожди меня на улице, сейчас оденусь и выйду, — шепнула Эва, поднимаясь по ступенькам.

Бахус прошел мимо старушки. С трудом преодолел аномально-магнитную зону. С уважением посмотрел на куцую конституцию.

«Эмилия, откуда в ней эта энергия, может, она завтракает обогащенным ураном?»

«Это в лучшем случае. Спасайся».

Только после того как дверь в подъезд захлопнулась, к Бахусу вернулась способность дышать полной грудью.

— Ты можешь сказать, куда мы идем? — Эва резко остановилась.

— Нет.

— Уже несколько километров прошли.

— Остался один квартал. Потерпи.

Разгоряченные вином, они не замечали мороза. Легкие куртки наброшены поверх тонких футболок. Обманчивое ноябрьское солнце напоминает искусственный театральный свет.

— Пришли. — Бахус указал на семиэтажную новостройку.

Эва вопросительно развела руками.

— Это сюрприз?

— Поднимемся. — Он открыл дверь в подъезд и протянул Эве руку.

Эва увидела просторный зал. Запах свежего ремонта. Фигурная шту-

каторжка на стенах. Искусственно состаренный паркетный пол. Через огромные окна сочится скупой ноябрьский свет.

— Нам туда. — Бахус повел ее на кухню.

«О чем думаешь?»

«Эмилия, сейчас не до тебя».

«Главное, без глупостей».

Маленький стол на кухне накрыт аскетично: бутылка вина, пиала с фисташками и два бокала.

— Похоже на день рождения студента, — улыбнулась Эва.

— Ты же любишь вино с фисташками.

Эва присела за стол. Бахус наполнил бокалы и отошел на несколько шагов назад.

«Не знаю, как сказать, Эмилия».

«Максимально просто».

«А если откажется?»

«И такое может быть. Главное — не бойся. Просто скажи — эта квартира твоя. Поздравляю».

— Послушай, я сейчас пьяный, но это ничего не значит. Это для смелости. Потому что трезвый — я трус. Потому что с ума по тебе схожу. Не знаю, как это называется. Может, тяжелая душевная зависимость, может, по-другому, но я постоянно думаю о тебе. Даже не верится, что говорю тебе это. Недавно приснилось, что целую тебя — это было абсолютное счастье. Понимаешь, нет таких слов, чтобы описать это состояние. Просто в тот момент ты стала параллельной вселенной, в которой я захотел остаться навечно. Больше ничего меня не интересовало. Ты — это счастье. Прости, это звучит банально и пошло, но у меня нет других слов.

С первых слов Бахуса Эва замерла с бокалом в руках, будто превратилась в скульптуру.

Бахус почувствовал солоноватый вкус железа во рту.

— Пожалуйста, присядь, — Эва вскочила из-за стола, — у тебя вата есть?

— Нет.

— Тогда иди сюда, нужно наклонить голову назад. — Она взяла Бахуса за руку, помогла прилечь на диван. Через минуту она уже вытирала мокрым полотенцем кровь с его лица.

— Прости, я умею опозориться в самый неподходящий момент.

— Не надо извиняться.

Эва наклонилась к Бахусу и вытерла остатки запекшейся крови. В этот момент ее лицо было настолько близко, что Бахус чуть с ума не сошел от силы притяжения. Невероятными усилиями он сдержал себя, хотя явно почувствовал, как трещит кожа на лице, пытаюсь оторваться, приблизиться к Эве. Никогда он еще не был так близко.

Бахус присел. Новый поток крови хлынул из носа, залил подбородок и тонкими струйками потек по шее.

— Прости. Я не должен был этого говорить.

— Лежи спокойно.

Бахус закрыл глаза. Маленькие световые всплески поплыли на черном фоне. Диван качался на невидимых волнах.

«Слишком много вина ты выпил, дурень».

«Я хочу вытеснить кровь. Пусть по венам бежит сухое белое».

— Посмотри на меня.

Голос Эвы моментально рассеял тьму. Бахус медленно открыл глаза.

— Я хочу знать, что ты тогда чувствовал, во сне.

Она поцеловала Бахуса. Волосы Эвы рассыпались по его лицу. Мир пошатнулся. Сдвинулись временные пласты. Он оказался один в первобытном мире, на берегу бушующего океана. Огромная волна с грохотом надвигалась на Бахуса, но он с радостью ожидал ее, раскинув руки. Ветер шепчет на ухо: «Не бойся, теперь ты неуязвим». Этому ветру можно верить, он пахнет свежестью ее волос. Соленый привкус крови во рту — это уже не кровь. Это океан уничтожает тело Бахуса. Огромная волна падает на него, и Бахус становится частью стихии. Сквозь черную бездну прорываются звуки знакомого голоса. В самом сердце океана сгущается вода, и сразу несколько подводных течений сливаются, образуя тело Эвы. Эва-течение подхватывает Бахуса и стремительно несет вверх. Мимо огромных китов и гладких скатов. Мимо подводных пещер и безразличных мурен. Мимо затонувших кораблей и загубленных пиратских душ, которые не могут найти покой и скитаются по водам, обреченные на вечные муки. Эва-течение выбрасывает Бахуса на берег. Первобытный воздух, еще не отравленный цивилизацией, наполняет его легкие.

— Теперь у тебя есть слова?

— Нет, — Бахус провел рукой по щеке Эвы, — теперь у меня есть смысл и нет страха.

— Говорят, это формула бессмертия. Почему ты плачешь?

— Не знаю.

— Я давно все поняла. С первой встречи. Когда ты из-за меня не закрывал подвал до трех ночи.

Бахус поднялся на ноги. Алкоголь еще действовал в его крови. Мир вокруг предательски шатался.

— Ты хотел мне что-то сказать.

— Да. Но не сейчас.

Он обнял Эву. Утопил лицо в ее волосах. Впервые в жизни почувствовал себя целостным. Живым.

Холодный ветер сопровождал Володьку весь день. Несколько неудачных собеседований, вежливых отказов: «Мы вам перезвоним». Оказалось, что 36 — это солидный возраст. Заходя на собеседование, он мельком смотрел на коллектив, преимущественно молодой и татуированный. Впервые Володька почувствовал себя старым. Кризис среднего возраста подкрался неожиданно.

В какой-то момент он пожалел, что ушел из клиники. Зная свою слабость, он специально сжег мосты фразой: «Адъес — богатые твари» и бросил заявление в лицо начальника. От этого потеплело на душе. Но у выхода из клиники его догнала фраза: «Я сделаю все, чтобы ты не нашел работу в этом городе по профессии» — и душевное тепло Володьки рассеялось.

Последняя вакансия, где он еще не получил отказ, — продавец в сетевом магазине бытовой техники. Володька остановился у пешеходного перехода. Купил кофе на вынос. С грустью посмотрел на здание, напичканное пылесосами и стиральными машинами. Он даже хотел получить отказ. Работа в таком магазине почему-то казалось Володьке одним из адских кругов. Перед глазами мелькнула скучная однообразная жизнь. Желание перейти дорогу исчезло. Из воображаемого мира скучной рабо-

ты его вернул колокольный звон. В Свято-Ильинском храме начиналась литургия. Сжимая в руке стаканчик кофе, как единственный источник тепла, он перешел дорогу и свернул на территорию храма, чтобы согреться, немного посидеть на лавочке и продолжить бессмысленный поиск.

— Простите, но это не кинотеатр.

Миниатюрная бабушка выросла у него на пути, преградив дорогу.

— Я догадываюсь, — вежливо ответил он и выбросил недопитый кофе в урну. Старушка посмотрела на него, как на безнадежного грешника, коему уготован «плач и скрежет зубов».

Интуитивно он пришел в то место, где еще ребенком ждал окончания бесконечных служб. Мама заставляла причащаться раз в месяц. Терпение маленького Володьки всегда вознаграждалось сладкими подарками. Потом он вырос и сознательно заходил сюда несколько раз. Дважды был крестным отцом и однажды венчался. Сейчас это событие отчетливо проснулось в памяти. Они с Ирой стоят посреди храма. Пьют общую чашу. Друзья держат венцы над их головами. Ира похожа на святую, ей очень подходит платок. Священник связывает им руки полотенцем. Как давно это было, кажется, целая жизнь прошла. Он сознательно убил в себе всякую попытку вспомнить детей. Они как существа высшего порядка оставались в его сердце. Володька знал, что мысль о детях физически может убить его. Она выпивает душу одним глотком.

В этих стенах слабость к Ароновой казалась полнейшим бредом. Несколько прихожан стремительно сорвались со своих мест и подбежали к аналою — это отец Виктор вышел на исповедь. Пожилой священник с добрыми глазами. Единственный батюшка, с кем Володька был лично знаком. Около пятидесяти человек обступили Виктора полукругом. Володька заметил, как женщина, сделавшая ему замечание, лезет сквозь толпу исповедников, локтями прокладывая себе путь в Царствие Небесное. Виктор прочитал короткую молитву перед исповедью, затем обратился к прихожанам:

«Братья и сестры. Господь знает, что и где у вас болит, поэтому привел вас сюда, в лечебницу. Давайте без мучительных прелюдий, в которых вас вынудили согрешить. Коротко. У каждого греха есть имя. В крайнем случае, сократите историю своего падения до одного предложения. Иначе исповедь превратится в оправдательную речь».

Володьку окутало чувство безопасности. Это чувство вернулось из далекого детства. Только в двух случаях он становился бессмертным: когда закрывался в огромном шкафу и когда гулял с отцом по воскресеньям. Отцу было позволено один раз в неделю видеть Володьку, поэтому воскресенье он ждал с трепетом. Когда отец был рядом, он не боялся даже Зевса — так называли хулигана из соседнего подъезда. Зевса боялись все, особенно участковый. Разве что Кинг-Конг мог бы сравниться силой с отцом, но Володька точно знал, что живет Кинг-Конг в далеких джунглях и пока в России не собирается. Он бы и дальше сидел в своем «шкафу», наблюдал за редущей очередью исповедников, но к нему подошла та самая женщина, которая сделала замечание на счет кофе. Она буквально разрушила «шкаф» одним прикосновением. Вблизи она была похожа на горгулью.

— Тебя отец Виктор зовет, — выстрелила она в упор.

Володька покачнулся, но не упал. Только сейчас он заметил, что Виктор сидит в одиночестве — что-то пишет в старый блокнот.

— Что стоишь как истукан? Иди, — торопила горгулья.

Больные ноги не позволяли отцу Виктору исповедовать стоя. Поэтому всем приходилось становиться на колени.

— Садись удобно, прямо на пятую точку, — улыбнулся Виктор.

Володька послушно устроился у ног священника.

— Простите, но я не хочу исповедоваться.

— Я знаю.

Володька оглянулся и успокоился. Никто на него не смотрел. Каждый занимался своим делом. Прихожане ставили свечи, кто-то читал молитвы с дисплеев телефонов и карманных молитвословов. Периферическим зрением он заметил, как горгулья подлетела ближе. Она присела на лавочку и пыталась продырявить Володьку взглядом.

— Никогда не встречал их?

— Кого?

— Православных ведъм, — он взглядом указал на горгулью, — только что я не допустил ее к Причастию.

— Почему вы рассказываете мне это?

— Потому что ты сто лет не был в храме. В кои-то века зашел и столкнулся с православным радикализмом. Я не осуждаю, просто пытаюсь сказать, что эти люди не лицо церкви.

Он достал из кармана шоколадный батончик и отдал Володьке.

Ситуация казалась нелепой, но Володька продолжал сидеть. Он вдруг понял, что идти некуда.

— Кто тогда лицо церкви?

— Мы все. И она одна из клеточек. Хочешь что-нибудь сказать?

— Да. Не понимаю, как оказался здесь. Я шел в другом направлении.

— Знаешь апостола Павла?

— Лично?

— Разумеется, — Виктор по-отечески потрепал Володьку по голове. — Павел тоже однажды шел в одном направлении, но пришел в апостольство.

— Я что-то читал об этом.

— Слушай, Федорыч мне все рассказал. Про твою семью и про ту женщину.

— Он же атеист.

— Ничего. Это не мешает нам играть в шахматы по выходным. Федорыч ведет статистику — 367:401 — в мою пользу.

— Когда вы успели?

— Это за пять лет. Только я не об этом. Посмотри на меня. Если Бог позволит тебе дожить до старости, ты сильно удивись остроте своей памяти. Я помню себя в твоем возрасте до мельчайших подробностей. Ты можешь разными дорогами прийти к старости, но даже не надейся на короткую память. Все ошибки в этом возрасте разрастаются до исполинских размеров и ночами не дают спать. Просто поверь мне не как священнику, а как человеку, который одной ногой уже находится «там». Сейчас твой дом рухнул, но ты можешь отстроить его заново. Это единственный путь. Все остальное — иллюзия. В противном случае, везде будешь наткаться на руины. Нельзя бросить жену с детьми и быть счастливым. Эта схема не работает.

— Вы, наверно, думаете, что я животное? Сейчас я сижу здесь и понимаю, как же легко отказаться от нее. Она забрала у меня все. Каждый раз, когда мы встречаемся, я проигрываю. Зачем моей жене такой муж?

— Затем, что ты ее крест. Она спасается тобой. Ты сможешь остано-

вить это. При помощи воли и сознания. Не подпускай к себе эту женщину ближе, чем на три метра.

— Поздно.

— Ничего не поздно. Сейчас самое время все исправить. Ты только приложи усилие, и Бог поможет. Сам не поймешь, откуда придет решение.

— Мне страшно.

— Чего именно боишься?

— Боюсь, что какой-нибудь мужик будет воспитывать моих детей. Боюсь однажды случайно встретить Иру с детьми на улице. Мы поздороваемся и пройдем мимо друг друга — дикость какая-то.

— Ну, так вытри сопли. Иди, сделай все, чтобы этого не произошло. Разбейся в лепешку. Наизнанку вывернись — но сделай. Только помни, что Лукавый просто так не отступит. Тому, кто противостоит тебе, по меньшей мере, 7000 лет. Он людоед с огромным опытом. Но ты ничего не бойся.

Володька медленно поднялся на колени. Запах ладана и воска кружил голову. За время их разговора, собралась новая очередь на Исповедь. Володька протиснулся сквозь толпу. Маленький огонек надежды теплил-ся у него за пазухой. Володька шел медленно, боясь погасить пламя.

16

— Пап, спасибо, что забрал меня раньше.

Маленькая Вера утопила ладошку в огромной руке Бахуса. Основательно закутанные в одежду, они пересекали безлюдную площадь.

— Сегодня у нас выходной. Будешь есть пиццу, шоколад и много всякой дряни, которую я вам обычно не разрешаю.

— Ура! — Она оторвала ноги от земли и повисла на руке отца.

Бахус поднял Веру на руки. Поцеловал в холодную щеку.

— Ты мой самый любимый сурикат на свете.

— Спасибо, Мистер Ежик.

Вера называла отца так в моменты особенной радости.

С утра Бахус разрешил Дане прогулять школу. Даня не мог понять — где здесь подвох.

— Встречаемся в подвале. Даня и мы с тобой.

— И кот?

— Конечно. Куда денешь этого толстого бездельника.

— Так что у нас за праздник, пап?

— Самый лучший праздник на Земле — день бездельника. Теперь я буду больше времени проводить с вами. Никаких нянь. Мы увольняем Зилду (так они между собой называли няню Зину).

— Ура! — Она подпрыгнула на месте, затем резко опомнилась. — А как же море?

— Море?

— Ты говорил, если уйдешь с работы, мы не сможем ездить на море.

— Все будет хорошо. Я что-нибудь придумаю.

— Летом едем?

— Летим! Мы ни разу не летали вместе. Полетим на море в другую страну.

Через руку дочери Бахус чувствовал пульсацию чистого детского счастья. Он наполнялся этой энергией и становился бессмертным. Они свер-

нули на центральную улицу города. Здесь пространство одной ногой уже ступило на территорию новогодних праздников. Магазины и кофейни нарядились в гирлянды. Кто-то обновил вывески, сделал косметический ремонт. Мини пекарни опьяняли запахом свежей выпечки.

— Почти пришли. Замерзла?

— Нет. Щеки немного. Пап, а ты когда-нибудь писал в море?

— Было дело, — серьезно ответил Бахус.

— И у меня «было дело» — призналась маленькая Вера.

Дверь в подвал была открыта. Первым их встретил кот. Затем появилась Даня и сообщил, что для банкета все готово: горячая пицца, роллы, холодные газированные напитки, сладости, в общем, все, из чего, по мнению детей, состоит Рай.

Даня помог Вере раздеться.

— Мойте руки и садимся, — скомандовал Бахус.

«Они рады», — раздался шепот святой Эмилии, когда дети ушли мыть руки.

«Конечно, они всегда этого хотели. Я почти не вижу их. Слишком много работы. Но мы это исправим».

«Со мной не надо храбриться. Я знаю, что ты не хочешь продавать подвал».

«Теперь хочу. Кто будет смотреть за детьми, если меня посадят?»

«Ты прав. Только не отдавай меня ему».

«Никогда. Ты моя».

Когда дети забрались на высокие стулья, кот уселся под стойку и приготовился попрошайничать, Бахус поднял стакан с газировкой и громко объявил: сегодня, мои дорогие сурикаты, можно делать все, чего делать нельзя. Ешьте все, что хотите, пока не тресните. Пейте эту дрянь (он указал на колу), пока не описаетесь. Можете случайно разбить посуду, которая мозолит глаз. Разрешается также отвесить пендель коту. Вход в интернет не ограничен по времени, — но без глупостей (он подмигнул Дане и тот густо покраснел). Когда закончится этот чудесный день, никто не будет силой укладывать вас спать. Веселитесь и кричите до тех пор, пока не потеряете сознание. Папа вас любит.

Бокалы с коллой соединились. Кусочек пиццы «четыре сыра» был брошен коту. Роллы окунулись в соевый соус, и день самоуправления официально стартовал.

Ни дети, ни даже святая Эмилия не услышали, как в этот момент заскрипела деревянная лестница. Слышал только Бахус, потому что ждал.

Никита Овчаров пришел не один. Женщина особой породы держала его под руку. Это была одна из тех красоток, что призваны одним фактом своего присутствия обозначать статус события или человека. Женщина — Ламборгини. Женщина — нефтяная вышка. Бахус практически был уверен, что где-то на ее теле есть штрих-код или печать от производителя. Такие особи не появляются в естественных условиях.

— Надеюсь, мы не сильно помешали, — виновато произнес Никита.

Дети на несколько секунд замерли, рассматривая гостей.

— Мы в кабинет на пять минут, — сказал Бахус и поцеловал маленькую Веру в макушку.

Он жестом пригласил гостей следовать за ним.

— Юля, посиди здесь, пока взрослые дяди будут разговаривать.

Никита поставил стул между маленькой Верой и Даней. Дети перестали жевать. Совершенно чужим голосом Даня спросил:

— Это вы играли в фильме «Особый метод»?

— Я, — слетело с силиконовых губ, и легкий взмах накладных ресниц обрушил на Даню поток освежающего бриза.

— Охренеть. Можно фото?

— Конечно. Давай телефон.

Юля вплотную присела к Даниилу и улыбнулась в треснутый экран. Дрожащей рукой Даня сделал несколько кадров подряд.

— Угостите роллами, с утра ничего не ела.

— Да, сейчас, — Даня за несколько секунд расставил перед Юлей горку роллов.

— Сколько лет твоему телефону? — спросила она, окуная «филадельфию» в соевый соус.

— Полгода. Просто он много раз падал.

Маленькая Вера быстро заскучала в атмосфере внезапно оборвавшегося праздника и отправилась в кабинет отца.

— Секреты умеешь хранить? — шепнула Юля, когда Вера скрылась за дверью.

Даня кивнул.

— Тогда пусть это будет нашим маленьким секретом, — она положила на колени Дани три пятитысячные купюры.

— Я не могу.

— Можешь. Ты даешь мне работу. Смотришь фильмы. Делаешь рейтинги.

— Слушайте... я знаю, что папа...

— Сейчас тебе кажется, что ты много чего знаешь, но со временем уверенность в себе будет улетучиваться. Это называется взросление. Что ты думаешь обо мне?

— Ничего не думаю.

— Не ври, я вижу, как ты думаешь, — она положила руку на плечо Дани. — Скажи, это важно.

— Тебе 20. Ты крутая. Любишь Никиту, потому что он крутой. У тебя много друзей, — отчеканил Даня на одном дыхании.

— Мне сорок. У меня алкогольная зависимость. С Никитой я только ради денег. У меня нет ни одного друга.

Эта информация тяжким грузом легла на стереотипное сознание Дани. Он зачем-то схватил кота, проходящего мимо, и начал судорожно гладить.

— Почему вы рассказываете мне это?

— Ты не представляешь, какой это кайф — говорить правду, когда твоя жизнь сплошное вранье. Это как глоток свежего воздуха перед погружением на дно. А еще я уверена, что ты меня не выдашь, — она дружески подмигнула Дане и закончила постройку пирамиды из роллов, водрузив на вершину оливку.

Юля скользнула в сторону, как только Никита и Бахус вышли из кабинета. Маленькая Вера сидела на плечах отца. Предельно сосредоточенная. Ее детское сознание не принимало факт продажи подвала. Что-то противоестественное было в этом договоре отца с вечно улыбающимся дядей. Наглым образом нарушался устоявшийся порядок вещей.

— Не вздумай увести у меня девушку. — Никита похлопал по плечу Даню.

— А ты не оставляй девушку надолго одну. Еще немного, и мы сбежали бы в Мексику, — сказала Юля.

— Обожаю ее чувство юмора, — Никита отдал папку с документами Юле, — с днем рождения, дорогая.

— Можно узнать, что станет с этим помещением? — спросил Бахус.

— Надеюсь, дорогостоящий ремонт превратит эту нору в салон красоты, — устало выдохнула Юля.

Когда за Никитой и Юлей закрылась дверь, Бахус еще несколько секунд смотрел куда-то в пространство. Он слегка наклонился, и маленькая Вера спустилась с него, как с горки.

— Я домой хочу, пап.

Бахус посмотрел на сына. Тот одобрительно кивнул и поднялся из-за стола.

18

Она умерла тихо, без боли. Сердце остановилось под утро. Позже знакомые выдвигали различные версии. В списке виновных оказались: экология, местный химзавод, врожденный порок сердца. Но только Дима знал точно, кто виноват. Это она — сумасшедшая актриса, борец с ветряными мельницами. Она отвела Аню в этот омут безнадежности. Заставила почувствовать себя Иудой.

Врач подтвердил его догадки. Слабое сердце и сломленная психика — это практически приговор. Почему она не играет тихо-спокойно в своем паршивом театре? Почему она до сих пор на свободе? Журналисты сделали из нее кумира. Каждый раз, когда эту тварь выбрасывают из очередной клиники, они, журналисты, пишут, как Эва выпцарапывает младенцев из рук врачей-убийц.

Последние три недели он практически ничего не ел. Чтобы не потерять сознание, раз в день заставлял себя проглотить корку хлеба. Его организм предательски отторгал даже алкоголь. Дима был вынужден с ясным сознанием идти навстречу наглой смерти, которая пришла и отобрала у него самое дорогое.

Иногда он чувствовал присутствие Ани. Она где-то рядом. Смотрит на него и ужасно расстроится, если он наделает глупостей.

Дима бесцельно носился по городу. Он решил, что только действие может спасти его. Всячески избегая статики — как разрушительной силы, он постоянно куда-то шел. Когда вспоминал похороны — переходил на бег. Суровый декабрь, как мог, замедлял его шаги. Леденил непокрытую голову. Пробирался под тонкое пальто, но Дима не останавливался. Под вечер падал в кровать в одежде и забывался непродолжительным сном. Затем вскакивал посреди ночи. Что-то искал в темноте. Разговаривал с невидимым собеседником и тихо плакал, когда сквозь плотный туман сна к нему возвращалось сознание. Теперь он не боялся ничего. Даже собственного безумия. В памяти «на повторе» стоял последний телефонный разговор с Аней. Перед тем как уснуть, он детально вспоминал каждое слово, интонацию.

«Аня, хочешь, я приду?»

«Нет. Слишком далеко».

«Пять минут пешком. Я приду».

«Лучше послушай, я тебе прочитаю».

И она читала ему отдельные главы из «Божественной комедии». Дима готов был слушать все что угодно, лишь бы в трубке звучал ее голос.

«Ты хорошо читаешь».

«Спасибо. Никак не могу дойти до «Рая». Мне кажется, это невозможно».

«Что невозможно?»

Дима испытывал гнев, не понимая, о чем книга и куда идет этот мрачный итальянец.

«У Данте очень насыщенный ад. Через него не пройти. Я уже не говорю о Чистилище».

«Мне до рая рукой подать. Он рядом с тобой. Пожалуйста, разреши мне прийти».

«Не могу. Послушай, у нас мало времени. Я чувствую, как уходит время. Этого чувства не было в детстве. Говорят, в раю нет времени. Но ведь и в детстве времени нет. Помнишь, Господь говорил про детей: «*Таковых есть Царство Небесное*». Значит ребенок — это гражданин Небесного Царства, а детство — рай. Здесь, на земле — рай. Я была в нем, и ты был. Теперь мы его потеряли. Нам постоянно чего-то нужно. Нам страшно и больно. Дима, я была в раю, а теперь даже сквозь текст не могу туда вернуться».

Одиночество Димы в этот момент усиливалось еще и тем, что он практически ничего не прочитал в своей жизни. Когда Аня говорила о Данте и Евангелие, ему становилось душно от собственного невежества. Он бы с радостью бродил с ней по дорогам безумия, но понятия не имел, о чем речь.

Оставался только голос. Господи, пусть говорит все что угодно, только пусть говорит.

19

Ира проснулась рано. Не вставая с кровати, мысленно распланировала свой день: беговая дорожка, душ, оплата квитанций, поход с детьми в парк, удаленная бухгалтерия.

Все это показалось до боли скучным. Заранее расписанная жизнь. Колея, из которой не выбраться. Вот бы вычеркнуть из этого списка все, кроме прогулки с детьми. После того как Володька ушел, она общалась только с ними. Чистый разум, ангельская простота. Она задавала дочкам самые сложнее вопросы и получала неожиданно мудрые советы. Только дети спасали от внутреннего ада.

Там, за окном, заснеженный город. Спасаясь от этой мысли, она укрывалась с головой. Мелодия дверного звонка, приглушенная одеялом, заставила вернуться в суровый мир.

— Одну минуточку! — крикнула Ира, набрасывая на плечи халат.

Буквально за несколько секунд в мыслях ожил сюжет из любимого фэнтези. Сейчас откроется дверь, а там стоит какой-нибудь Мерлин-Гендальф, а с ним дюжина гномов. Они бесцеремонно вламываются в квартиру, уничтожают все продукты и предлагают отправиться в рискованное путешествие. Возможно, в один конец. Она бы сразу согласилась, только пусть дочки пойдут вместе с ней. Для них наверняка найдутся маленькие доспехи и оружие. Вместе они убьют дракона и сразятся с ужасными Орками. Больше не будет никакой зимы, общественного транс-

порта, порванного сердца и одиночества. Ненавистный телефон перестанет звонить. Родительский чат, место, где мамы могут целый месяц спорить, по 200 или по 300 рублей складываться на подарок воспитателям, сгинет.

Ира открыла внутренний замок. Твердо для себя решила: если за дверью и вправду Мерлин-Гендальф, она возьмет с собой телефон, чтобы в далеком путешествии бросить его в жерло вулкана Ородруин, и тогда этот сенсорный монстр погибнет вместе с родительским чатом. Или погибнет Ородруин. Нельзя недооценивать магической силы чата.

Вопреки ожиданиям на пороге стояла девушка. Красивая. До боли знакомое лицо. Пальто и шапка окроплены снегом.

— Вы не волшебница? — безразлично спросила Ира.

— Сегодня нет, но в четверг буду.

— Почему именно в четверг?

— У нас детский спектакль. Я играю волшебницу. Приходите с девочками.

— Зачем?

— Не знаю. Просто приходите...

— Это что, какая-то акция?

— Нет. Просто... знаете, ваш муж потерял работу по моей вине. Мне недавно сказали об этом. Я хотела извиниться. Мне очень жаль.

— Эва?

— Да.

— Я Ира. — Она протянула руку.

Холодное рукопожатие Эвы обожгло ладонь.

— В общем, если бы не я...

— Не надо извиняться. Он поступил как мужик. Я тогда ничего ему не сказала. Вы не виноваты. Просто так звезды сошлись. Ретроградный Меркурий или еще какая-нибудь космическая дрянь была активна, в моем бывшем супруге проснулся рыцарь. Обычное дело. Зайдете на чай?

— Нет, спасибо. Мне в театр надо.

— Утром в субботу? Ваш режиссер тиран?

— Нет. Обычный псих. Но очень добрый.

— Тогда до свидания. Хорошего дня.

— Пойдите. Это вам, — Эва достала из кармана вчетверо сложенный альбомный лист, — пожалуйста, дочитайте до конца. Он очень просил. Это единственное, что ему сейчас надо.

— Володя? — тихо спросила Ира.

— Да. Он знает, что уже ничего нельзя исправить. Но все-таки...

— Спасибо. — Ира аккуратно взяла письмо и положила на полку с обувью.

— Мне пора, — сказала Эва, — если будет нужна какая-нибудь помощь, знаете, где меня найти.

— Спасибо. Берегите себя, если с вами что-нибудь случится, местным газетам не о чем будет писать...

Эва улыбнулась, и они еще раз обменялись рукопожатиями. Когда на лестничном марше стихли шаги, Ира развернула листок.

«Только не выбрасывай это письмо. Я знаю, что уже не смогу оправдаться. Прочитай до конца. Я больше не стану писать или звонить. Обещаю. Не знаю, откуда Эва узнала о нас, но это уже и не важно. Она позвонила вчера вечером и предложила встретиться. Мы долго разговаривали. Неожиданно, она предложила мне вот

что. В общем, один из ее друзей, настоятель монастыря, при котором находится реабилитационная клиника для наркоманов. Они там работают, молятся, ходят на какие-то курсы. Это 150 километров от нас. Монастырь находится в лесу. Только деревья, река и работа.

Прости, что так сбивчиво... не знаю, с чего начать... Короче, она договорилась. Меня примут в эту клинику в качестве пациента. Там я хочу вырастить в себе волю, которой у меня никогда не было. Помню, что ты просила не приближаться к тебе и девочкам, поэтому обещаю — не приду, хотя и сердце разрывается от этой мысли. Как много дорог я видел перед собой — домой. Но я не могу идти по ней. Я прокаженный, безобразный. Я схожу на обочину. Поцелуй девочек, крепко, крепко. Вы лучшее, что было в моей жизни».

P.S. Я продал дом, тот самый, который остался в наследство от деда. Федорыч на днях должен принести тебе деньги.

20

Когда Эва вышла из театра, ей показалось, что пространство перестроилось. Изменилась привычная для глаз местность. Всему виной снег. Это он обезличил маленький сквер, небесным тональным кремом выровнял все неровности с поверхности земли. Заживо погребенными стояли скамейки. Но снегу и этого было мало. Он забрасывал крупными хлопьями сонный город.

Эва пыталась запомнить эту Нарнийскую красоту. Полной грудью вдыхала морозный воздух и становилась часть зимнего волшебства.

В театре ни души. Выходной. Эва пришла только потому, что забыла здесь перчатки.

— Привет.

Оставалось только догадываться, как он оказался за спиной. Эва медленно обернулась. Перед ней стоял Дима: прорубь мертвого взгляда, бледная кожа, губы исполосованы трещинами. Он сильно постарел с последней встречи.

— С Аней все в порядке?

— Все отлично. Аня умерла.

Эва отступила на шаг. Дима резко схватил ее за руку и потянул к себе. Его горячее дыхание обжигало лицо Эвы. Запах спирта и сигарет. Крепкие пальцы погрузились в тонкую ткань куртки, будто Дима хотел проникнуть под одежду и выдернуть плечевой сустав.

— Знаешь, что такое ад, сука?

— Знаю. Отпусти.

Свободной рукой Дима достал раскладной нож, приложил его к лицу Эвы.

— Ад — это круг. Я хожу по кругу. Ани нет. Она вышла за пределы, а я обречен вечно искать ее. Бессмысленность — это совсем невыносимо. Ад — это когда просыпаешься утром, а сознание опаздывает к тебе на несколько секунд. Память не сразу пробуждается, и ты вдруг понимаешь, что ее нет. Каждое утро терять ее снова и снова — вот что такое ад. Так будет продолжаться, пока мое долбаное сердце не остановится. Но и потом я ее не встречу. Если Бог есть, Он никогда не пустит меня в рай. Аня — святая. Я ненавижу тебя.

Эва все ждала, что кто-то окликнет Диму. Случайный прохожий вмешивается, и она сможет уйти. Но как назло рядом никого не было. Снегопад работал на Диму. Не оставил свидетелей.

— Прости меня. Это настоящий кошмар. Я не хотела этого.

— Нет. Теперь тебе не уйти чистенькой. Ты свела ее с ума и убила.

Дима расстегнул куртку Эвы. Приставил нож к животу. Сквозь свитер прикоснулось к телу короткое лезвие.

— Думаешь, я сейчас потеряю сознание от страха? Мне очень жаль, что так случилось. Я себе этого никогда не прощу. Теперь это мой грех и моя ответственность. Убери нож и дай мне пройти.

— Какая прелесть, ты плачешь. Отличная игра. Всегда удивлялся умению актрис плакать по заказу. Передай Ане привет. Скажи, что я прочитал Данте и теперь понимаю, о чем она говорила.

Нож по самую рукоятку погрузился в тело. Чуть ниже солнечного сплетения. Удивительно легко. Как будто провалился в пустоту. Эва упала на колени. Дима спустился по заснеженным ступенькам и растворился в снегопаде.

Огонь, проходивший сквозь рукоятку ножа, наполнил тело Эвы. Даже дыхание стало огненным. Женщина в тонком старомодном платье появилась из ниоткуда. Она двигалась, не оставляя следов на снегу.

— Милая, ты горишь. Иди ко мне.

— Бабушка, — тихо произнесла Эва.

— Да, моя хорошая, бабушка. Смотри...

Она присела рядом. Эва уже не могла удерживаться на коленях. Небо перевернулось и накрыло ее с головой. Она упала головой на колени бабушки.

— Что это, ба, так выглядит смерть?

Огромное снежное покрывало пришло в движение. Поначалу не было линий и контуров, но вскоре белое цунами разбилось на тысячи маленьких фрагментов. Небо закрылось. Кто-то там, наверху приказал снегу: «Умолкни» — и снег умолк. Каждая снежинка нашла свое место. Буквально миг — и перед глазами Эвы выстроилась белоснежная армия малышей. Они носились по скверу. Играли в снежки. Сбивали друг друга с ног.

— Кто это, ба?

— Это братья и сестры тех, кого ты успела спасти. Они пришли сказать спасибо. Правда, хорошие?

— Хорошие.

Новая волна внутреннего огня захлестнула Эву. Жар вырвался за пределы тела. Заполнил пространство вокруг. Снежные дети исчезли. Перед глазами выросли глиняные дома. Каменистые дороги. Низкие деревья с мощными кронами. Залитый солнцем Вифлеем разросся перед глазами, победил зиму.

— Знаешь, какой сегодня день, милая?

— Нет, — тихо шепнула Эва.

— Сегодня 11 января. Ровно 28 лет назад я отвела тебя в храм, и тебя крестили. Тайно. Папа с мамой были против. Мы пошли на хитрость. Ты умничка, ничего не сказала тогда. Не выдала бабушку.

Армия вооруженных воинов наполнила Вифлеем. Они пытаются войти, но двери домов заперты. Мечи ломаются о ветхие глиняные постройки. Хрупкие дома держат осаду.

— Кто они? — из последних сил произносит Эва и теряет сознание.

— Спи, моя хорошая. Это воины Ирода не могут войти к младенцам и побить их. Они ищут Царя, но сегодня у них ничего не получится. Сегодня не будет слышен плач в «Раме». Рахиль не будет плакать о детях своих, ибо они живы.

21

Бахус сидел на полу. Он превратился в тень. Мир за пределами дома казался ему враждебным и бессмысленным. Последние трое суток он не отвечал на телефонные звонки и практически не двигался.

Он заперся в том самом доме, который Эва использовала как укрытие. Прикасаясь к предметам быта, Бахус все время спрашивал о ней. Все эти чашки, старые тарелки, кофемолка знали о ней больше, чем он. Бахус так и не понял, кто такая Эва и почему она воюет в одиночку.

«Сними эти нелепые лосины. Свитер маловат. Если умрешь с голоду, тебя найдут не в своем доме, да еще и в одежде покойной хозяйки. Еще раз прошу, переоденься».

Святая Эмилия с укором смотрела на него из угла комнаты.

Совсем недавно Бахус надел те самые вещи, которые Эва дала ему в дождливую ночь. Бахус старательно воссоздавал в памяти детали той встречи. Ночи, когда он боялся прикоснуться к ней. Где-то в полуобморочном сознании мелькала мысль, а вдруг нарушится естественный ход времени. Вдруг она сейчас появится. Как ни в чем не бывало, подойдет и скажет, что есть способ путешествовать во времени. Тогда Бахус обнимет ее, чтобы больше никогда не отпускать.

«Ты найдешь ее. Просто не торопи время».

«Это вряд ли».

«Тогда она придет сама. Встреча неизбежна. Только не убивай себя раньше времени. Пробей эту стену и живи дальше. Даня и Вера ждут тебя».

«Я предал их, когда допускал мысли...»

«Это всего лишь мысли».

«Я люблю тебя».

«Подойди».

«Зачем?»

«Пора мне стать частью тебя. Хочу смешаться с твоей кровью и плыть по венам. Это единственный способ прикоснуться к твоему сердцу».

«Не могу».

«Можешь. Подойди».

Бахус с трудом поднялся на ноги. Держась за стену, дошел до Святой Эмилии. Аккуратно поднял ее и прислонил ко лбу ее стеклянное тело. Сквозняки охладили ее.

«Сколько лет мы знакомы?»

«Двадцать три. Давай, не сомневайся».

«Ты совсем замерзла».

В память ворвалась Эва. Холод стекла, она держит что-то на переносице Бахуса, чтобы остановить кровь из носа.

«Теперь открывай».

Бахус аккуратно снял обертку. Освободил пробку.

«Только не вонзай в меня штопор. Всю жизнь боялась этого. Продави пальцем».

Мизинец Бахуса прогрозился в горлышко. Пробка без усилий провалилась. Несколько капель вина брызнули на лицо.

«Теперь мы станем единым целым. Я всегда мечтала об этом. Ее уход сделает тебя сильным».

«Мы больше не сможем говорить?»

«Да!»

«Спасибо тебе за все. О таком друге можно только мечтать».

Бахусу показалось, что Эмилия исчезла еще до того, как он сделал первый глоток. Так и сидел на полу несколько часов, прижавшись к стене. Медленно впускал Эмилию в состав своей крови, пока не уснул в обнимку с пустой бутылкой.

22

Бахус старательно собирал отрывки воспоминаний. Пытался понять, как оказался в пафосном ночном клубе в компании Никиты Овчарова. Все, что удалось вспомнить, напоминало сон, где сменяются локации и события, непонятно откуда появляются самые неожиданные персонажи.

Вот он сидит на полу. Гладит стеклянное тело святой Эмилии, что-то рассказывает ей. Исчезают стены. Зимний ветер бьет в лицо. Забирается под одежду. Следующий миг, и Бахус объясняет полицейскому, что не пьян. Эти пазлы воспоминаний никак не складывались в логическую картину, итогом которой стала встреча с Никитой Овчаровым.

Бахус огляделся. Низкие столики. Кожаные диваны. Минимум освещения.

— Почему так темно и где люди?

— Здесь всегда темно, виночерпий. Сейчас день, люди придут ближе к полуночи.

— Прости, но я не помню...

— Я расскажу. Ты шатался по улицам в обнимку с пустой бутылкой. Кто-то вызвал полицию. Тебя отвезли в отделение.

— Допустим. А ты при чем?

— Я тебя несколько дней искал. Благо ты сам засветился. Мои люди из полиции позвонили.

— Слушай, мы все решили. Подвал твой. Чего ты от меня хочешь?

Из темноты появилась девушка с подносом. Поставила чайник и две маленькие чашки на стол. Никита поцеловал девушку в щеку, и она исчезла.

— Это моя любимая комбинация трав. Когда выпьешь лишнего, здорово помогает, — сказал Никита, разливая в стаканы ароматную жидкость.

Запах чабреца, мяты и каких-то неведомых Бахусу трав, повис в воздухе.

— Я пойду.

Бахус резко поднялся на ноги, но потерял равновесие и рухнул на пол. Никита помог ему подняться. Бахус постоял несколько секунд, подождал, пока пространство перестанет кружиться. Почувствовал, что ноги снова держат его.

— А подарок? — расстроено произнес Никита.

— Какой еще подарок?

— Ты просто обалдеешь, когда увидишь.

Они прошли через кухню. Затем спустились по винтовой лестнице в цокольное помещение. Здесь не было окон. Тяжелая дверь закрылась за Никитой и Бахусом. То, что они увидели, было похоже на классическую сцену из гангстерского фильма. Мужчина с разбитым лицом сидел на металлическом стуле посреди комнаты. Руки замотаны скотчем. Во рту кляп.

— Прости за внешний вид, но «подарок» не хотел ехать с нами. Пришлось уговаривать.

— Ты серьезно?

— Это не просто дядька с гематомой на лице. Это Дмитрий Ломакин. Ветеран первой чеченской компании. Наркоман. В прошлом неплохой боксер.

— И?

— Он убил Эву.

Никита на всякий случай отступил от Бахуса на несколько шагов.

— Ты уверен?

— Да, он все рассказал. Даже куда нож спрятал. Только не спеш. Месть штука приятная, не веди себя как неандерталец. Видишь, мои любимые игрушки (он указал на небольшой пожарный щит, на котором висели несколько бит и небольшой мачете).

— Я тебе не верю.

— Перестань. Этот придурок пошел против правил. Нельзя убивать на моей территории. Нужно советоваться с дядей Никитой. Короче, у этого типа девушка умерла, и он решил, что виновата Эва. Отомстил. Конец.

Бахус почувствовал, как сердце покинуло грудную клетку и поднялось к горлу. Он оперся на стену и медленно сполз на бетонный пол. Никита присел рядом.

— Ты не веришь, потому что думаешь: «Просто так никто никому не помогает, особенно такие мудаки, как Овчаров». Справедливо. Только я не просто так помогаю. Два года назад моя жена забеременела. Сразу решила делать аборт. Фигуру берегла. А я ребенка хотел. Короче, она тайком от меня пошла избавляться от ребенка и так встретилась с твоей Эвой. Сейчас моему маленькому бандиту чуть больше года. Я просто долг возвращаю, поэтому не принимай на личный счет. Теперь о мести. Есть несколько вариантов:

1) Мачете — для мелкой шинковки этого засранца.

2) Бита — это классика и крови меньше.

3) Пистолет — скучно, но гуманно.

4) Звонок в полицию, и Дима сядет за предумышленное убийство на долгий срок, это я тебе обещаю.

Бахус подошел к Диме. Вытащил кляп изо рта.

— Это правда?

Какое-то время Дима смотрел куда-то сквозь Бахуса, затем тихо ответил:

— Да.

— Зачем?

— Она забрала мой смысл.

Никита Овчаров вышел и закрыл за собой дверь. Бахус снял мачете с пожарного щита. Срезал скотч на руках Димы.

— Ты левша или правша?

— Убери ножик, порежешься.

— Я тебе вопрос задал.

— Зови своих друзей. Я видел настоящих убийц. У тебя духа не хватит.

Дима поднялся со стула и подошел к двери. Бахус мощным ударом снес его с ног. Затем наступил на горло и повторил вопрос:

— Левша или правша?

— Левша, — прохрипел Дима.

Не убирая ноги с горла Димы, Бахус схватил его за левую руку, вытянул ее перед собой и отрубил по локоть. Дима захлебнулся собственным криком. Отрезанная рука еще несколько секунд пожимала руку Бахусу, пока тот не отшвырнул ее в сторону. Бахус быстро снял с себя ремень и стянул его над культей. Постепенно кровотечение остановилось. Дима забился в угол. Безумным взглядом смотрел на отрубленную руку. Его губы беззвучно шевелились. Он что-то говорил полупшепотом, но Бахус не мог разобрать ни слова.

— И это все? — расстроено произнес Никита, высунувшись из-за двери.

— Теперь можешь сдать меня полиции. Ты же этого хотел, — сказал Бахус не оборачиваясь.

— Дубина. Я справедливости хотел. Добивать не будешь?

— Не могу.

— Трофей заберешь, или собакам отдать? — Он указал на отрубленную руку.

— Собакам.

— Однорукого полиции сдам. Ты не против?

Бахус подошел к Диме.

— У тебя семья есть?

Дима в ужасе прижимался к стене, будто хотел раствориться в ней.

— Дочка. От первой жены, — ответил плачущий голос.

— Видишься с ней?

— Да. По выходным.

— Можно его отпустить? — спросил Бахус у ошарашенного Никиты.

— Как?

— Через дверь.

— Я был о тебе лучшего мнения. Ты слабый человек.

— Мне нужно к семье, — тихо сказал Бахус.

Ему немедленно захотелось домой. Увидеть детей. Попасть в ореол их святости. Обнять маленькую Веру как в последний раз и слушать ее бесконечные истории.

«Господи, только бы Вера никогда не узнала, какой я зверь. Эмилия, ты здесь?»

На этот раз Бахусу никто не ответил.

Бахус готов был поклясться, что в какой-то момент отчетливо услышал голос Эвы: «Только представь, что маленькая Вера стоит рядом. Сможешь убить при ней? Точно такая же Вера ждет этого воскресного папу, чтобы пойти с ним в парк, съесть мороженое и покататься на каруселях».

— Наши врачи подлатают его, затем отпустим, обещаю, — сказал Никита, пожимая руку Бахусу.

Черная машина. Монотонный гул в ушах. Выщербленные ступени в подъезде. Затем звонок в дверь, и маленькая Вера прыгает ему на шею. Он крепко обнимает крохотное тело и чувствует, как слезы катятся по щекам.

Пришел бесцеремонный март. Установил свои порядки. Зима сняла осаду с города и спешным образом ретировалась. Такого позорного бегства не помнили даже старожилы. Еще неделю назад в особенно тенистых местах соснового бора встречались небольшие снежные холмики. Они радовали маленькую Веру, как письма из прошедшей зимы. Но теперь и эти «письма» исчезли.

Последние два месяца Бахус практически ни с кем не общался. Сотни пропущенных звонков, гора сообщений в WhatsApp. Только маленькая Вера могла пробиться к нему сквозь невидимую стену, сооруженную после смерти Эвы. Закончилась зима, но казалось, что закончилась целая жизнь и началась новая. Воспоминания, связанные с Эвой, никак не ассоциировались со временем и пространством. Будто в другом измерении стоял Бар-подвал, куда она приходила. Будто не было того дня, когда, победив страх, Бахус пришел к ней домой и сказал всю правду. Господи, что это был за день, за него не жалко целую жизнь отдать.

Бахус вернул свое сознание в настоящее. Убедился, что маленькая Вера в зоне видимости. Вместе с другими детьми она носилась по двору, играя в какую-то неизвестную для Бахуса игру. Как настоящий отец-параноик, он одел Веру не по погоде. +18 — это еще не весна, говорил он, натягивая на Веру теплые вещи. Поэтому ребенку пришлось смириться с тонкой шапкой и наглухо застегнутой курткой. Другие дети бегали в толстовках, без головных уборов, и Бахус мысленно осуждал их родителей за такую халатность.

Периодически маленькая Вера приносила в ладони жука или божью коровку, демонстрировала находку и снова становилась частью детского муравейника, хаотично рассыпанного по площадке.

Бессонные ночи давали о себе знать в потере фокусировки. Отчетливые фигуры детей постоянно превращались в размытые пятна. В калейдоскопе пестрой одежды появился инородный предмет. Бахус заставил зрение работать в привычном режиме. Инородный предмет оказался режиссером Психом. Он выглядел творчески изычно: растрепанные волосы, безупречное пальто, выдавшие виды ботинки.

— Я присяду, — спросил Псих.

Бахус кивнул.

Псих стряхнул с лавочки песок, уселся рядом. Слегка подскочившие джинсы оголили щиколотки.

— Зачем вы здесь? Хотите похитить ребенка?

— Нет, своего выгуливаю.

— Какой из них ваш?

— В шапке.

— Вам не кажется, что слишком тепло...

— Поэтому вы носки не надели.

— Нет. Парных не нашел. Все в стирке.

Псих украдкой достал маленькую фляжку с коньяком. Пригубил, протянул Бахусу.

— Спасибо, не пью.

— Это пройдет, — прошептал Псих, убирая фляжку во внутренний карман.

— Вряд ли. Теперь только кофе.

— Будет нелегко, держитесь. — Он по-дружески похлопал Бахуса по плечу.

— Вы пришли, чтобы сказать мне это?

Псих отрицательно покачал головой и протянул Бахусу флешку.

— Нашел в одном из сценических костюмов Эвы. Решил вам отдать.

Хотя не уверен, что правильно поступаю. Она ценила вас как друга.

Псих резко поднялся с лавочки, вброд перешел детское озеро, исчез из поля зрения как таинственный персонаж из собственного спектакля. Маленькая Вера, задыхаясь, подбежала к Бахусу.

— Пап, смотри, черная божья коровка, а ты говорил, что таких не существует.

На ее крохотной ладони сидело насекомое с хрупким черным панцирем, окропленным красными точками.

— Может, это обычная коровка, просто давно не купалась? — предположил Бахус.

Маленькая Вера ответила звонким смехом.

— Ладно, идем встречать твоего брата-оболтуса со школы.

— Пап, пойдем мимо бургерной?

— Ах ты, жук-мясоед! — Он усадил Веру себе на плечи. — Пойдем.

24

Поначалу Бахус не мог отделаться от мысли, что шпионит за Эвой. Папки с фотографиями, разделенные по категориям: театр, лето, книги, стихи, стихи, когда совсем плохо, подборка любимых фильмов.

Бахус внимательно просматривал фотографии, будто ждал какого-то знака, послания от Эвы. Остановился на знакомой картинке. Узнал творческий хаос. Нагромождение театрального реквизита и декораций. Приглушенный свет, как в детских шалашах, сооруженных на скорую руку с помощью простыней и кухонного стола. Отчетливо вспомнился тот вечер, когда он пришел в театр, договорился со звукооператором и задержал начало спектакля, чтобы поговорить с Эвой. На следующей фотографии он увидел себя и Эву. Кто-то из артистов или работников театра незаметно сфотографировал. Бахус скопировал фото. Единственно совместное фото, правда, он стоял спиной к камере, зато отчетливо видно лицо Эвы.

Мельком просмотрел текстовые документы. Остановился на файле со странным названием «**Еще не рожденной тебе**». Какое-то время не решался открыть. Как в тот день, когда пришел домой к Эве и не сразу нашел в себе силы постучать в дверь. Но потом понял — никакой силы духа не хватит, чтобы оставить эти письма в забвении. Глубоко вдохнул и двойным щелчком мыши принял решение.

ПИСЬМО 1.

«Ночь прижимается к окнам».

Боюсь потерять эту фразу, поэтому пусть полежит здесь. Будь я писательницей, мой роман начинался бы так — «Ночь прижимается к окнам». Каждую главу я начинала бы фразой, которая отгоняет писательский страх. Чтобы слова можно было как факел держать в руке, пробираясь сквозь самые темные леса. Чтобы предложения можно было распустать на тонкие волокна и зашивать раны.

Когда-нибудь ты появишься на свет. Мы будем лучшими друзьями.

Я не буду читать тебе сказок перед сном. Каждый вечер буду импровизировать, и придумывать для тебя самые невероятные истории. Мы будем смеяться и грустить. После сказки я буду лежать с тобой до тех пор, пока ты не уснешь. Потом аккуратно укрою тебя и пойду на кухню. Там, на кухне, всегда есть чем заняться, учить роль, например, или пить кофе и читать какую-нибудь книгу.

Ты станешь оправданием всей моей жизни. В моменты, когда счастье будет накрывать с головой и даже станет немного страшно, я буду тихонько благодарить Бога за тебя.

Это странно. Тебя еще нет, но я четко ощущаю твоё присутствие. Ты рядом всегда. Особенно, когда мне плохо. В перерывах между репетициями я сижу в сквере и пью кофе, что-то читаю. Тогда ты появляешься. Легким дуновением ветра ты переворачиваешь еще не прочитанную страницу. Рваными тучами носишься по небу, играя в жмурки с солнцем.

Ты смотришь на меня с укором, когда ругаюсь с коллегами и не слушаю режиссера. Тебе стыдно за меня, когда становлюсь малодушной. Когда боюсь, что мы никогда не встретимся. Тебе ведь никогда не бывает страшно. Я хочу учиться у тебя.

Я вижу тебя во сне. Ты говоришь, что счастье — это когда тебе ничего не нужно. У тебя светлые волосы и зеленые глаза. Ты девочка. Самая красивая девочка на свете.

ПИСЬМО 2.

Половину ночи я провела в полиции. Это была воспитательная мера. Ты спросишь, почему? Твои еще не рожденные друзья знают ответ. Конечно, у полиции не было оснований так долго держать меня в маленьком душном помещении, но я им не оставляю выбора.

Любовь моя, когда ты появишься на свет, то будешь готова к несправедливости и борьбе. Пока только теория. Но в целом, мир не так уж и плох. Он ждет тебя, чтобы стать лучше, ровно на одну душу. Придешь, и начнется путешествие. Я буду рядом. Твое детство будет похоже на рай. Есть такие строчки:

...и небо говорит тебе привет, теперь мы вместе, ничего не бойся,
мир состоит из боли и конфет...

Так вот, в твоём детстве не будет боли, только конфеты. Какая может быть боль в раю?

Ты многому научишь меня. Например, любить людей. У меня с этим проблемы. Нет, не подумай, я многих люблю, но есть люди, рядом с которыми тяжело даже стоять рядом. Они уничтожают тебя ядовитой энергетикой, прожигают взглядом, и ты уходишь от них, спасаешься бегством.

Но я уверена, что и таких людей есть за что любить. Просто я не вижу. Мне этого не дано. Но ты сможешь найти в них что-то хорошее и научишь меня... Чистый разум, ты только хорошее и можешь видеть. В твоей природе не будет зла.

Ночью меня допрашивала майор Пилипенко. Женщина-гора. Вершина этой горы была увенчана безупречным каре. В свете пыльного абажура пылал боевой, агрессивный макияж. Каскад ее мясистых подбородков приходил в волнение при малейшем движении тела. Женщина-болото. Она поглощает жизнь. Милая, я уверена, что от ее дыхания вянут домашние цветы и пицца за столом становится горькой.

Я вижу это, потому что испорчена. Во мне слишком много зла. Однажды Ты придешь и воспитаешь меня.

Мне пора. Через час спектакль. Кажется, я очень устала от театра.

ПИСЬМО 3.

Только что вернулась из Москвы. Играли спектакль в маленьком театре. Сцена была настолько крохотная, что артисты были лишены всякого действия. Духота.

Я думала о тебе в этом карнавальном аду, лишенном пространства. Наш рядовой (проходной, средней руки) спектакль был рассмотрен под увеличительным стеклом. Все ошибки выросли до исполинских размеров. Кто-то из зрителей откровенно смеялся в голос, иллюстрируя каждый наш промах. Это был настоящий провал.

Маленькая моя. Я представила себе, что ты сидишь в этом зале. Смотришь на меня и улыбаешься. Переживаешь за маму. Я спасалась только тобой, ведь в первом ряду сидели критики. О, это настоящие гоголевские персонажи. Ожившие карикатуры со странными прическами и причудливыми усами. У них тягучая, непонятная речь и фантастические имена. Среди них была женщина — Эльвира. С виду ей было не меньше двухсот лет. Эльвира говорила минут тридцать о нашем спектакле, при этом не сказала ничего. Мы ничего нового не узнали о спектакле, зато прослушали краткую биографию Эльвиры. Глубокие морщины на лице, как треснувшая земля в период длительной засухи.

Ладно, меня снова несет... Ты мой единственный друг, поэтому я рассказываю тебе все эти скучности. Больше мне не с кем поговорить.

Говорят, унижение — очень хороший опыт. Становишься добрее, смиреннее. Начинаешь следить за речью, чтобы никого не обидеть, помня, как это больно.

Буду смотреть на наш провал под этим углом.

Люблю. Мама.

ПИСЬМО 4.

Ты снова снилась мне. Будто сижу в пустом больничном коридоре. Уныло мерцает плафон, на треть наполненный погибшими мотыльками. Я пришла к врачу, чтобы избавиться от ребенка. С минуты на минуту меня вызовут и все закончится. Опускаю лицо в ладони, а когда поднимаю голову, вижу тебя. Ты такая маленькая, в легком летнем платье. Держишь в ладони киндер-сюрприз. Сидишь рядом, медленно разворачиваешь шоколадное яйцо и достаешь из него желтый контейнер с игрушкой.

«Помоги, пожалуйста», — просишь меня.

«Чем помочь?» — спрашиваю.

«Собрать игрушку».

Открываю тугой желтый пластик. Внутри маленькая разборная куколка. Скрепляю ноги с телом и отдаю тебе.

«Спасибо», — говоришь, улыбаясь.

Я глажу тебя по голове.

«Съешь шоколад, мне нельзя, аллергия», — говоришь.

«Только с тобой пополам».

«Нет, мама заругает».

«Мы ей ничего не скажем».

Ты смеешься. Я разламываю яйцо. Мы съедаем его.

«А где твоя мама?» — спрашиваю.

«Ты моя мама».

Тут у тебя в руках появляется маленький фотоальбом. Ты начинаешь переворачивать плотные страницы. Я вижу нашу с тобой еще непрожитую жизнь.

Вот я держу тебя на руках при выписке из роддома.

Детский сад. Утренники. На тебе смешной костюм бабочки. Мы едим сладкую вату в парке. На твоих щеках засахаренные белые волокна.

Я веду тебя в первый класс. Ты улыбаешься беззубой улыбкой первоклашки.

Дальше страницы не переворачиваются. Склеены. Какое-то время мы смотрим друг на друга и молчим. Оглухнуть можно от этого молчания. Но в этом сне я состою из камня. Не собираюсь отменять своего решения.

«Пойдем», — говоришь и берешь меня за руку.

Мы подходим к двери с надписью «Только для персонала». Входим. Оказываемся в темной комнате. Здесь нет ничего, кроме широкой красной двери. Ты бросаешь мою руку и говоришь:

«Дальше сама. Мне туда нельзя».

Мы обнимаемся на прощание. Я вдыхаю запах твоих волос. Ты пахнешь святостью. И вот уже я прикасаюсь к ледяному полотну двери.

«Мама» — совсем тихо, за спиной...

Оборачиваюсь.

«Спасибо за помощь» — показываешь куколку из киндера.

И здесь я понимаю, что широкая красная дверь — это ад. Я не хочу туда. Хочу к тебе. В твой мир, где волосы пахнут Царствием Небесным. Где сквозь людей проходит свет. Я беру тебя за руку. Яркая вспышка света переносит нас в твою спальню. Ты спишь в кровати. Рядом лежит твой любимый плюшевый мышонок, а на полке с иконками стоит та самая куколка.

Просыпаюсь среди ночи и до утра не могу уснуть. Спасибо, что пришла и дала мне силу.

Люблю.

Мама.

ПИСЬМО 5.

Привет, моя хорошая. Сегодня после спектакля зашла к Психу (это наш режиссер, он добрый, просто прозвище такое). Псих сосредоточенно макал хлебный мякиш в субстанцию из оливкового масла и чеснока. Из маленьких колонок вполголоса пел Синатра. На вопрос «Почему тебя нет на обсуждении?», он ответил:

«Я выбираю одиночество».

«С помощью чеснока?» — спрашиваю.

«Да. Никто не хочет общаться с вонючками, — затем тихо добавил: — Театр закрывают. Сезон дорабатываем и разбегаемся».

«Я как-то могу помочь?»

«Можешь. Уйди и не мешай моему одиночеству».

По большому счету, это хорошая новость. Когда мы встретимся, у меня не будет много свободного времени. Займусь фотографией и буду работать на себя.

По пути домой зашла в подвал к Бахусу. Выпила бокал своего любимого вина и кое-что сочинила для тебя. Конечно, это неумелые стихи (какой из меня поэт), но ты не суди строго. Вот, пишу зажмурившись...

Ну чему я тебя научу?
Ты Вселенная в маленьком теле,
Что разводит свои акварели,
И боится похода к врачу.
Я смотрю на тебя и молчу.
Если ангел в аренде у Бога,
Это так неожиданно много,
То чему я тебя научу?
Мы рисуем на мокром окне,
Ты мудрее апостольской речи,
Что в холодный октябрьский вечер,
Так дословно запомнилась мне.

Пока, моя хорошая.

P.S. Бахус — красивый. Только это между нами, девчонками...

ПИСЬМО 6.

Давно не писала тебе. Столько всего случилось: от переломанных ребер до странного свидания посреди ночи в доме моей бабушки. Но ты не волнуйся, я в порядке. Так уж устроена твоя будущая мать, только после своих «военных» вылазок чувствую, что не напрасно живу. Это затягивает. Уже не могу себе представить жизнь без борьбы. С ума можно сойти со скуки. И потом я верю, что это Он (здесь я аккуратно поднимаю глаза в небо) благословил меня...

В Евангелии есть притча о талантах. Так вот, мои вылазки — это таланты, которые нельзя зарывать. Что я Ему потом скажу? Буду продолжать, и если хотя бы одна мама передумает, то на Страшном суде мне будет что положить на весы в противовес всякому хламу из моей никчемной жизни. Сколько времени потеряно впустую. Если спросишь, чем я занималась последние 10 лет, максимум вспомню какие-то отдельные события, встречи. Но это все поместится во временном отрезке двух недель. Куда делось остальное время? Почему я не помню? Это забвение пугает. Ответ один, если не помнишь — значит не жил.

Ладно, хватит, я сегодня как зануда... Слушай, смешная история:

Бахус появился среди ночи на пороге. Весь мокрый, как огромное дерево, пережившее грозу. Сухих вещей не было, поэтому пришлось натягивать на него одежду покойной бабушки. Потом нам захотелось есть, и Бахус-бабушка отправился на преступление. Вернулся с добычей, и мы пожарили самую вкусную яичницу в моей жизни. Благо сосед не поймал его с поличным. Представляешь, заходит сосед в курятник, а там огромный мужик в калошах, лосинах и сильно облегающем свитере крадет яйца, до смерти пугая кур. У соседа случился бы сердечный приступ.

Хороший он, Бахус. Рядом с ним спокойно. Даже когда просто сижу в его подвале, делаю какие-то записи, а он шуршит коробками, бутылками звенит. Еще он постоянно разговаривает сам с собой, когда думает, что его никто не видит. Какой-то он весь уютный, этот Бахус, как большой летний дом из сруба с окнами на горную реку. В этом доме есть бесконечные полки со специями и сухими травами.

Пока, моя хорошая. Я сохранию эти письма. Однажды ты прочтешь их, скажешь, что я сумасшедшая мама, и будешь права.

Люблю тебя до неба, до луны...

— Меня зовут Афанасий, — монах виноватым взглядом смотрел на Иру. Так смотрят должники, которые скрываются от кредитора, но случайно сталкиваются с ним и не знают, как оправдаться.

— Ирина. Я ищу Владимира Трушина.

— Он на кухне, на послушании.

— Готовит?

— Прекрасно готовит. Его суп с грибами и чечевицей — настоящее искушение.

— Раньше яичницей Володи можно было убить человека даже с крепким иммунитетом.

— Это у него не было шанса раскрыться. А еще, — Афанасий густо покраснел, — мы иногда устраиваем шахматные турниры. Владимир всегда занимает первое место. Говорит, что его учителем был некто Федорыч, гений шахматного мира, авантюрист, алхимик самогонварения.

— Этот алхимик мне хорошо знаком.

— Недавно Владимир играл с нашим регентом партию на приседания. Бедный регент так наприседался, что на всенощной руководил клиросом сидя.

Ира внимательно смотрела на Афанасия, в глазах и пластике которого проглядывал большой ребенок. Вспомнилось Евангельское: «Будьте как дети». Добрая энергия, которую никуда не спрячешь, лилась из его небесно-голубых глаз.

— Простите, я отвлекаю вас пустыми разговорами. Пойдемте.

Володька трудился в тесном помещении, выложенном плиткой. Сидел на стуле, согнувшись как удочка под весом тяжелого улова. На полу кастрюля с водой. Работая, он беззвучно шевелил губами. Что-то донкихотское появилось в нем. Густая борода, фрагментарно окропленная сединой. Похудел, как минимум, вдвое. Володька мельком взглянул на Афанасия и Ирину и продолжил свою работу. Сознание, сосредоточенное на чем-то другом, очень важном, не сразу подсказало, кто перед ним стоит. В следующее мгновение Володька бросил нож в кастрюлю, резко поднялся на ноги. Табуретка выскочила из-под него и легла на бок.

— Привет, Володь. Что делаешь? — Ира хотела подойти ближе, только ноги вросли в пол.

— Чищу картошку. Ни на что другое я не способен. — Володька стал спешно вытирать руки фартуком. Засуетился, будто срочно хотел что-то показать Ирине. Слезы катились по его щекам, растворяясь в небрежно постриженной бороде.

— Ты похудел?

— Немного. Здесь не принято объедаться. Хотя иногда очень хочется.

Он снова вспомнил ту зиму. Заснеженную квартиру. Сугробы под окнами. Узоры на стеклах. С того дня он не мог согреться. Казалось, зима поселилась в нем.

— Пойдем домой, — тихо сказала Ира.

Володька зачем-то начал судорожно тереть лоб и жмуриться, как человек, ослепленный внезапной вспышкой света посреди ночи.

— Постой. Я сейчас...

Выбежал, врезавшись плечом в стену. Вихрем пронесся по братскому корпусу. Влетел в свою келью и бережно достал из-под подушки шелковый чехол. Прилетел обратно. Аккуратно развернул чехол. На свет

показались две деревянные куколки, выполненные в мельчайших подробностях.

— Это я девочкам вырезал. Здесь один монах умеет. Так он меня научил... Можно я тебя обниму?

Ира подошла ближе. Володька аккуратно прижал ее к себе, как будто вернулся домой после долгого путешествия.

— Господи, какой ты худой. Сегодня же пожарю тебе свинину.

— Нельзя, сейчас пост. 94 дня без тебя — это много. Я умираю от тоски, когда думаю о девочках. Как они?

— Ждут папу. Маленькая нарисовала тебя плывущим на корабле, а рядом айсберг с пингвинами. Ты плывешь, как бравый пират. Пингвины восторженно смотрят на тебя. Если что, ты был в экспедиции у берегов Антарктики.

Усилием воли ослабил объятия. Они вместе вышли за ворота монастыря, не замеченные никем, кроме Афанасия. Добрый монах широко перекрестил им спины.

26

Володька уснул под утро. Бессонная ночь повалила его на спину. Засыпая, он слышал обрывки разговоров за открытым окном. Шум машин, щебет птиц. Эта музыка жизни наполняла шторы-паруса. Но потом появился посторонний звук. Красный цвет тревоги заблестел под закрытыми веками. Володька сбросил свое тело с кровати и поднял надрывающийся телефон.

— Алло? Владимир Трушин? — кабинетно-безразличный голос.

— Слушаю.

— Ирина Трушина вам кем приходится?

— Жена, — выпалил Володька и обнаружил себя возле открытого окна.

— Она в отделении милиции, улица Малиновского, 1. Можете внести залог и забрать супругу.

— Что случилось?

— Ничего особенного. Просто она явилась в клинику с детьми своих друзей и устроила там сумасшедший дом. Дети тянули незнакомых женщин за руки и кричали: «Мама, пойдём домой».

